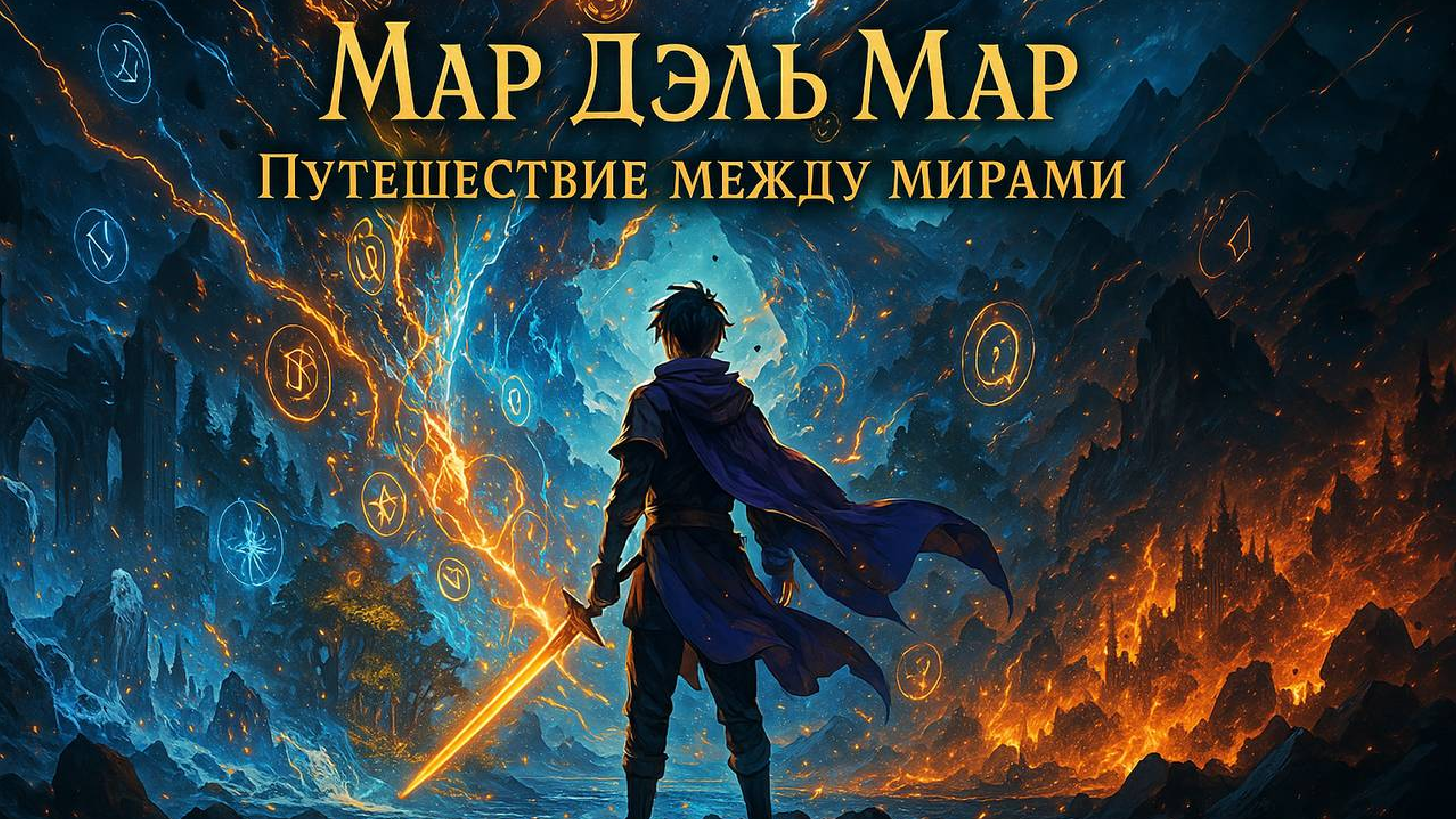

МАР ДЭЛЬ МАР

ПУТЕШЕСТВИЕ МЕЖДУ МИРАМИ

ПРОЛОГ. Трактир вне времени

Я не знаю, сколько времени прошло.

Тут нет часов. Нет окон. Нет дня и ночи. Лишь пустота, обтянутая деревянными стенами.

Трактир без вывески, без имени, без гостей.

Только я и стол, покрытый шрамами ножей и прижжённых кружек.

Когда-то здесь ели и пили. Когда-то здесь смеялись.
Теперь только ветер, будто забытый вздох богов,
шевелит паутину в углу.

Я сижу и жду. Хотя не уверен — чего.

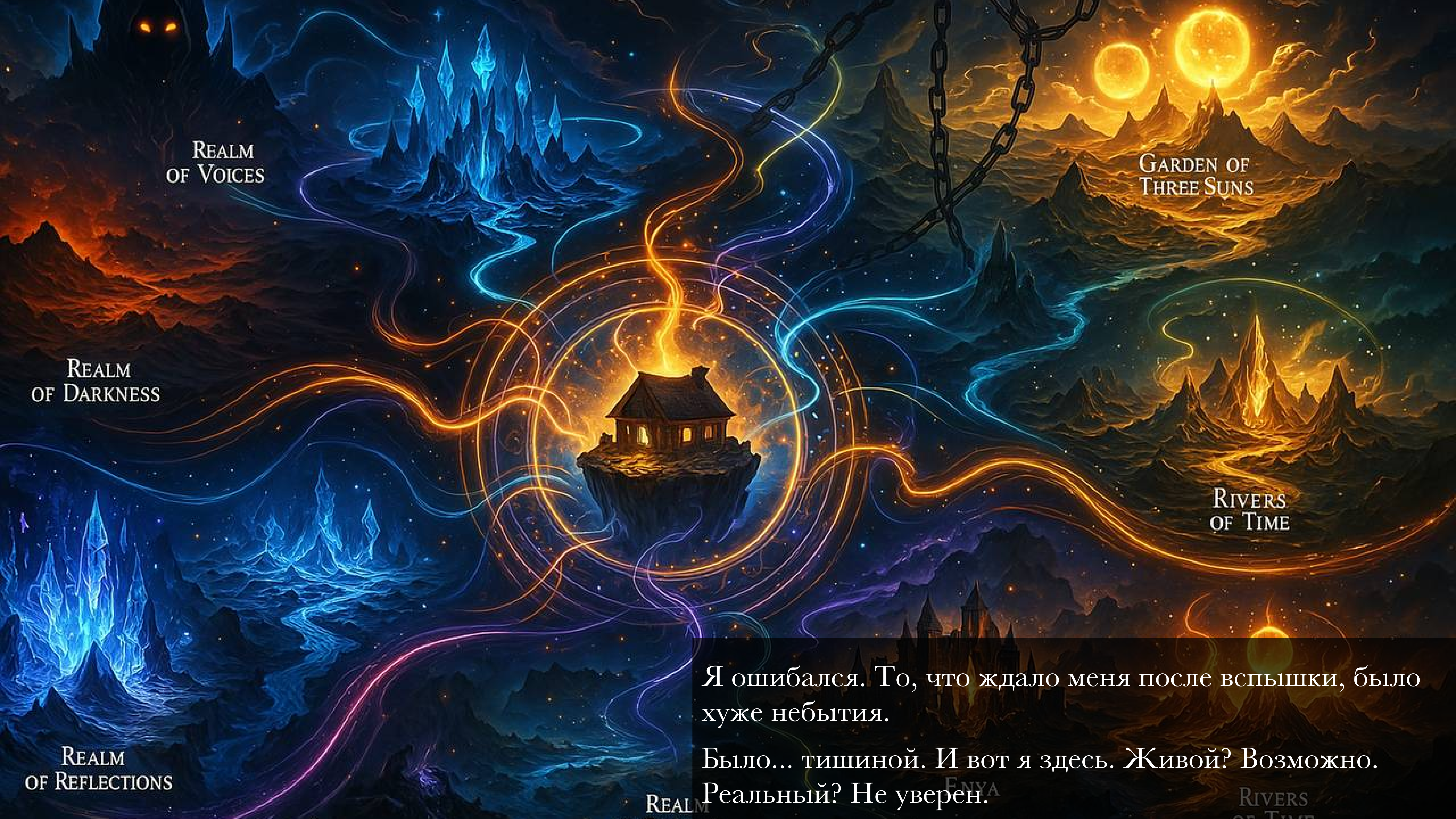
Иногда я думаю, что умер. Иногда — что просто
остался за пределами. За гранью судьбы, времени,
пространства. Место между мирами, между сном и
воспоминанием, между «был» и «буду».

A hooded figure in a dark, tattered robe stands with their back to the viewer, looking into a glowing, swirling blue and purple portal. The scene is set in a dark, rustic wooden interior, possibly a cabin or a cave, with wooden beams and a table visible in the foreground. The lighting is dramatic, with the portal being the primary light source, casting a blue glow on the figure and the surrounding environment. The overall mood is mysterious and somber.

Я не чувствую страха. Не чувствую радости. Осталась
лишь история. И её кто-то должен услышать.

Я беру уголь со стены и начинаю писать прямо на
столе. Не знаю, читается ли то, что выводит моя рука.
Но пальцы помнят. Пальцы помнят путь.

Я был мальчиком. Потом — наследником. Потом —
ничем. Потом — всем. И когда я вонзил меч в грудь,
чтобы остановить Тьму, я думал, что всё закончено.

REALM
OF VOICES

GARDEN OF
THREE SUNS

REALM
OF DARKNESS

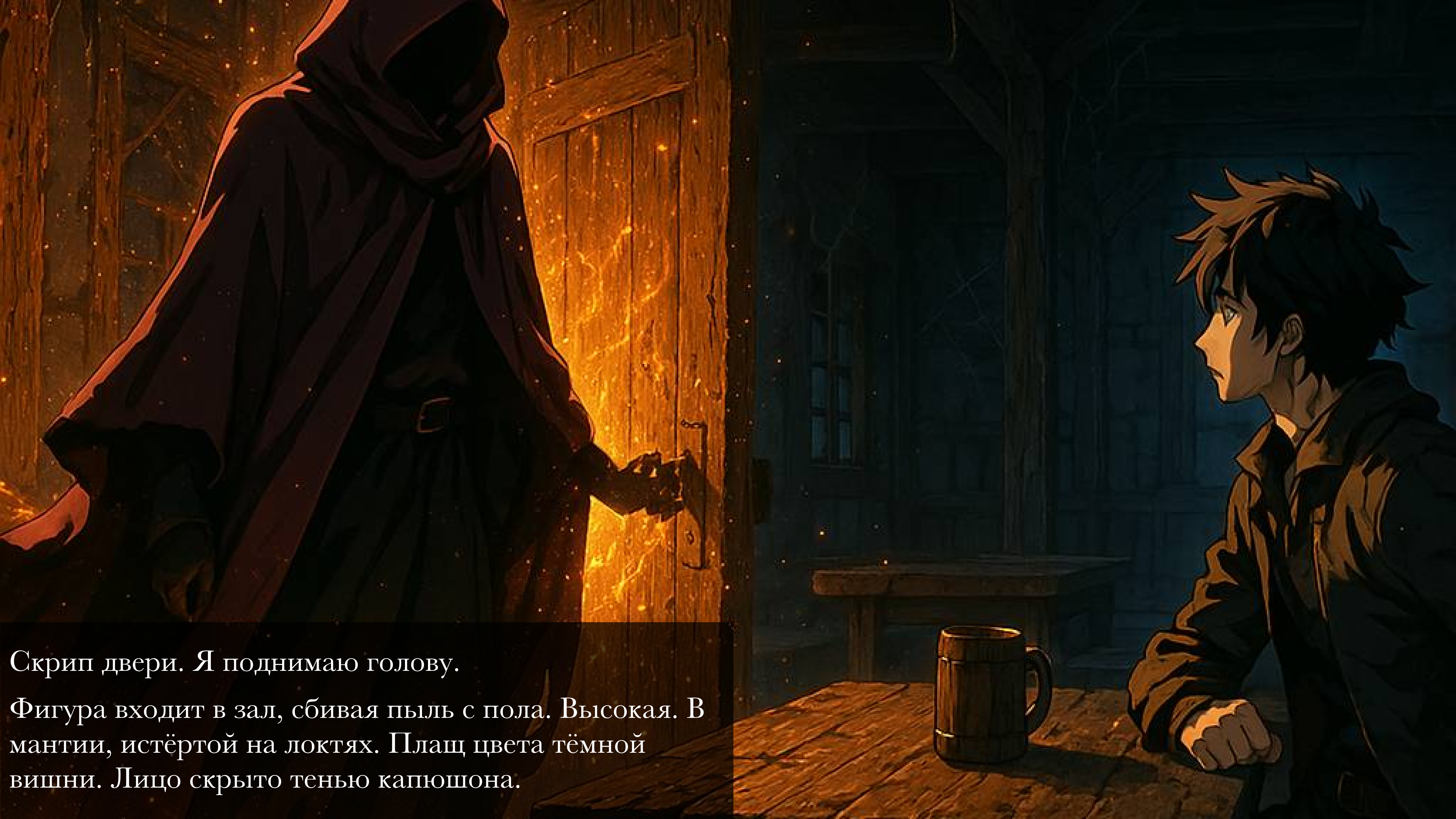
RIVERS
OF TIME

REALM
OF REFLECTIONS

REALM

Я ошибался. То, что ждало меня после вспышки, было хуже небытия.

Было... тишиной. И вот я здесь. Живой? Возможно. Реальный? Не уверен.

Скрип двери. Я поднимаю голову.

Фигура входит в зал, сбивая пыль с пола. Высокая. В мантии, истёртой на локтях. Плащ цвета тёмной вишни. Лицо скрыто тенью капюшона.

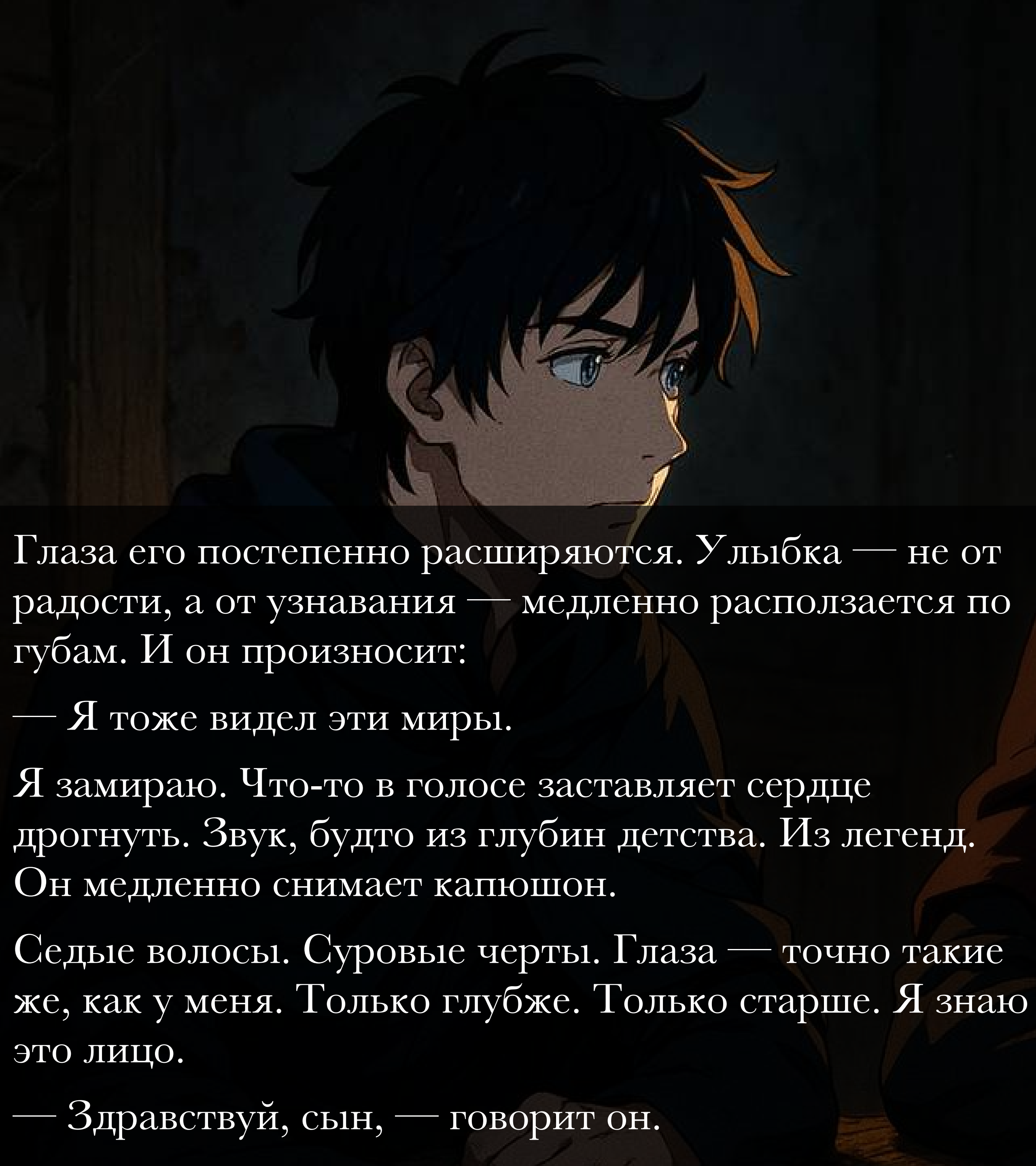

Он не говорит ни слова, просто садится напротив. Складывает руки.

И смотрит на меня. Долго. Внимательно. Словно что-то вспоминает. Или сравнивает.

Я не говорю — я всё ещё нем. Но он, кажется, и не ждёт слов.

Он смотрит на стол. Читает мои каракули.

A young man with dark, slightly messy hair and blue eyes is shown in profile, looking towards the right. He is wearing a dark, possibly black, hooded garment. The background is dark and indistinct.

Глаза его постепенно расширяются. Улыбка — не от радости, а от узнавания — медленно расползается по губам. И он произносит:

— Я тоже видел эти миры.

Я замираю. Что-то в голосе заставляет сердце дрогнуть. Звук, будто из глубин детства. Из легенд. Он медленно снимает капюшон.

Седые волосы. Суровые черты. Глаза — точно такие же, как у меня. Только глубже. Только старше. Я знаю это лицо.

— Здравствуй, сын, — говорит он.

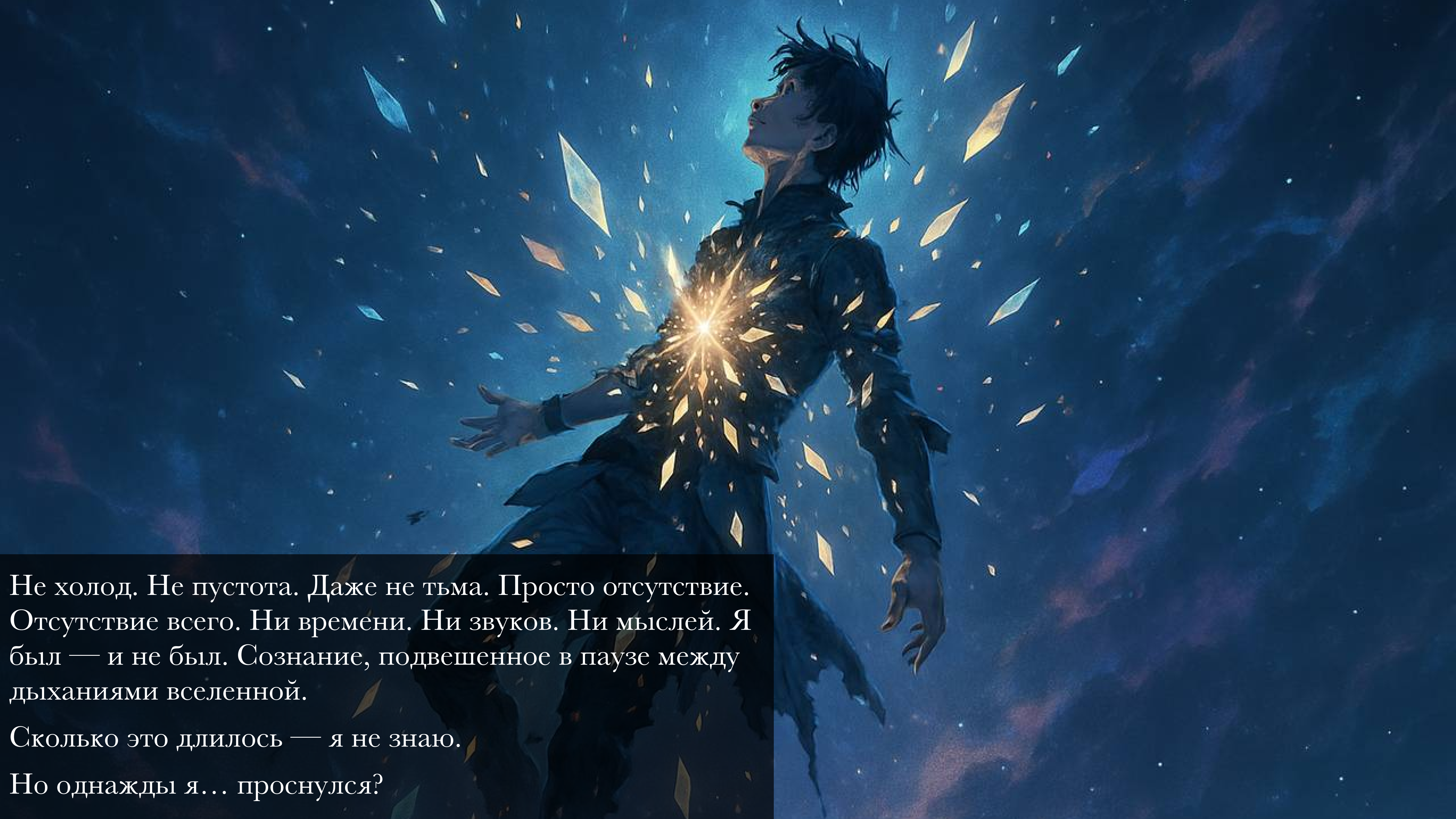
An older man with short, white hair and a white beard is shown from the chest up. He is wearing a dark blue tunic under a red cloak. His hands are clasped in front of him. He has a serious expression. To his right is a lit lantern with a warm glow. The background is dark and appears to be a cave or a forest at night.

ГЛАВА 1. *Осколок света*

Я помню, как вонзил меч в грудь.

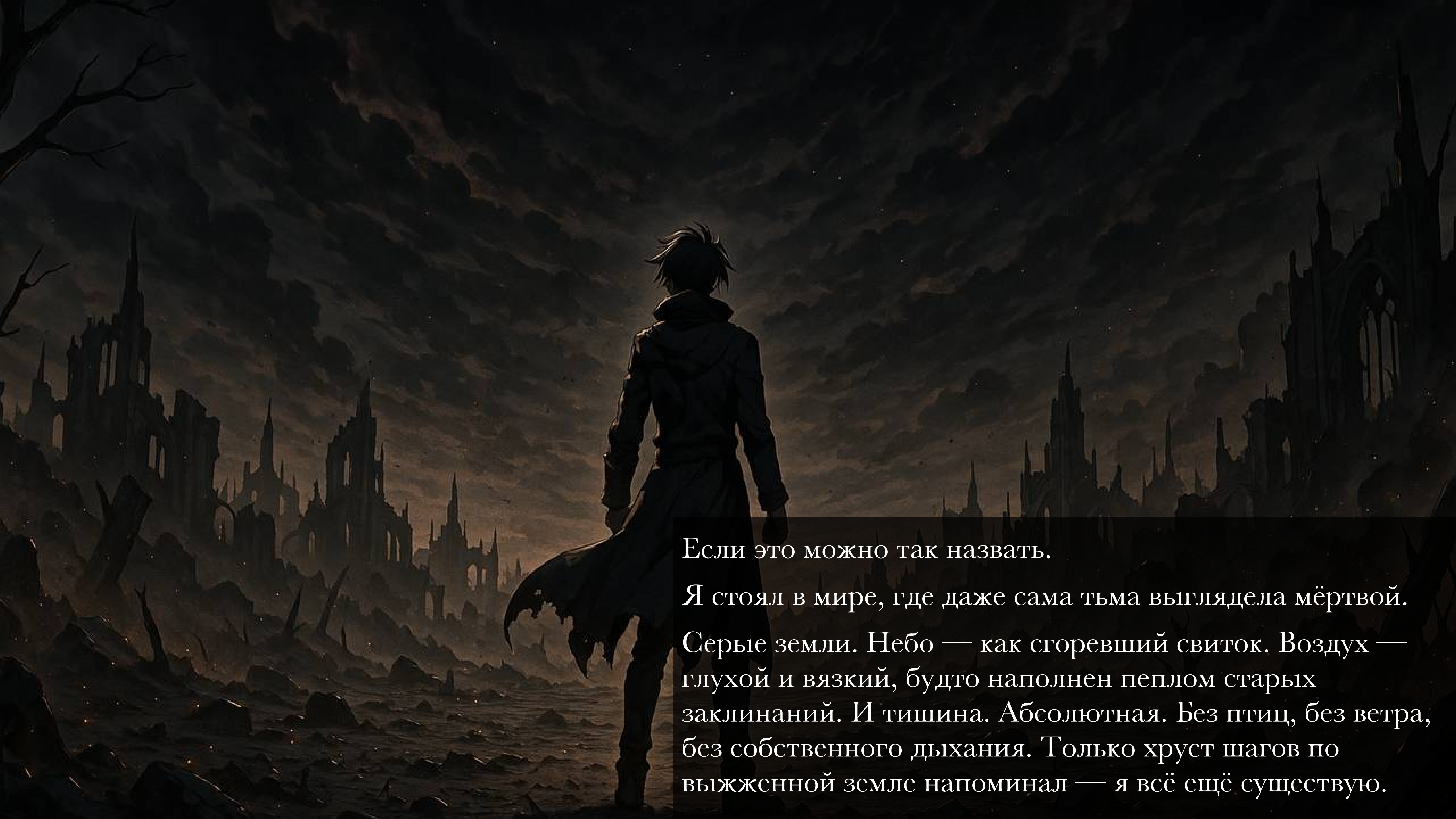
Острие прошло сквозь плоть без сопротивления, будто само тело согласилось с выбором. Мгновение боли. Вспышка света — ярче солнца, ярче всей магии мира. Тепло, которое обожгло изнутри, но не оставило ожогов. А потом — ничто.

Не холод. Не пустота. Даже не тьма. Просто отсутствие.
Отсутствие всего. Ни времени. Ни звуков. Ни мыслей. Я
был — и не был. Сознание, подвешенное в паузе между
дыханиями вселенной.

Сколько это длилось — я не знаю.

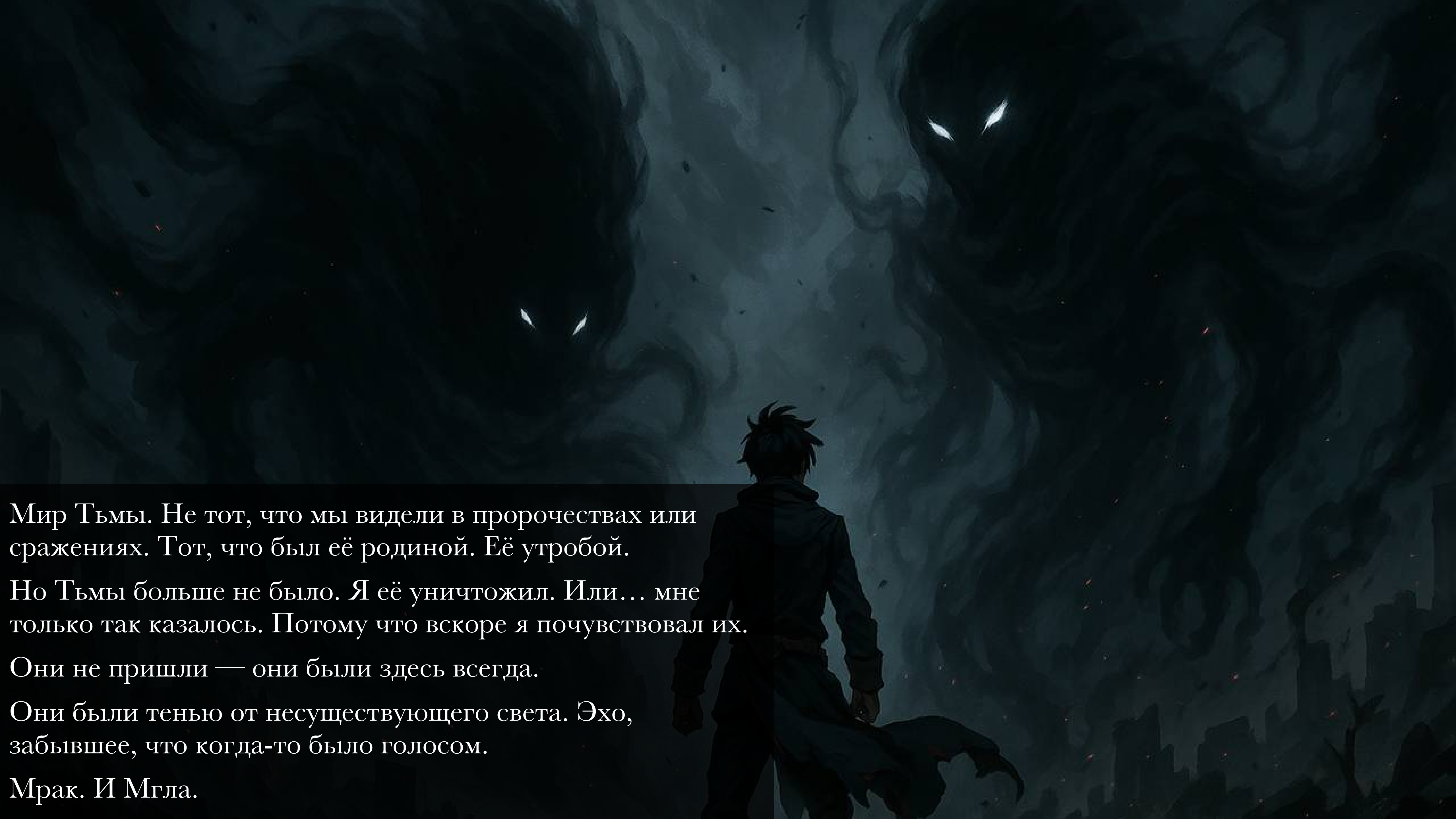
Но однажды я... проснулся?

Если это можно так назвать.

Я стоял в мире, где даже сама тьма выглядела мёртвой.

Серые земли. Небо — как сгоревший свиток. Воздух — глухой и вязкий, будто наполнен пеплом старых заклинаний. И тишина. Абсолютная. Без птиц, без ветра, без собственного дыхания. Только хруст шагов по выжженной земле напоминал — я всё ещё существую.

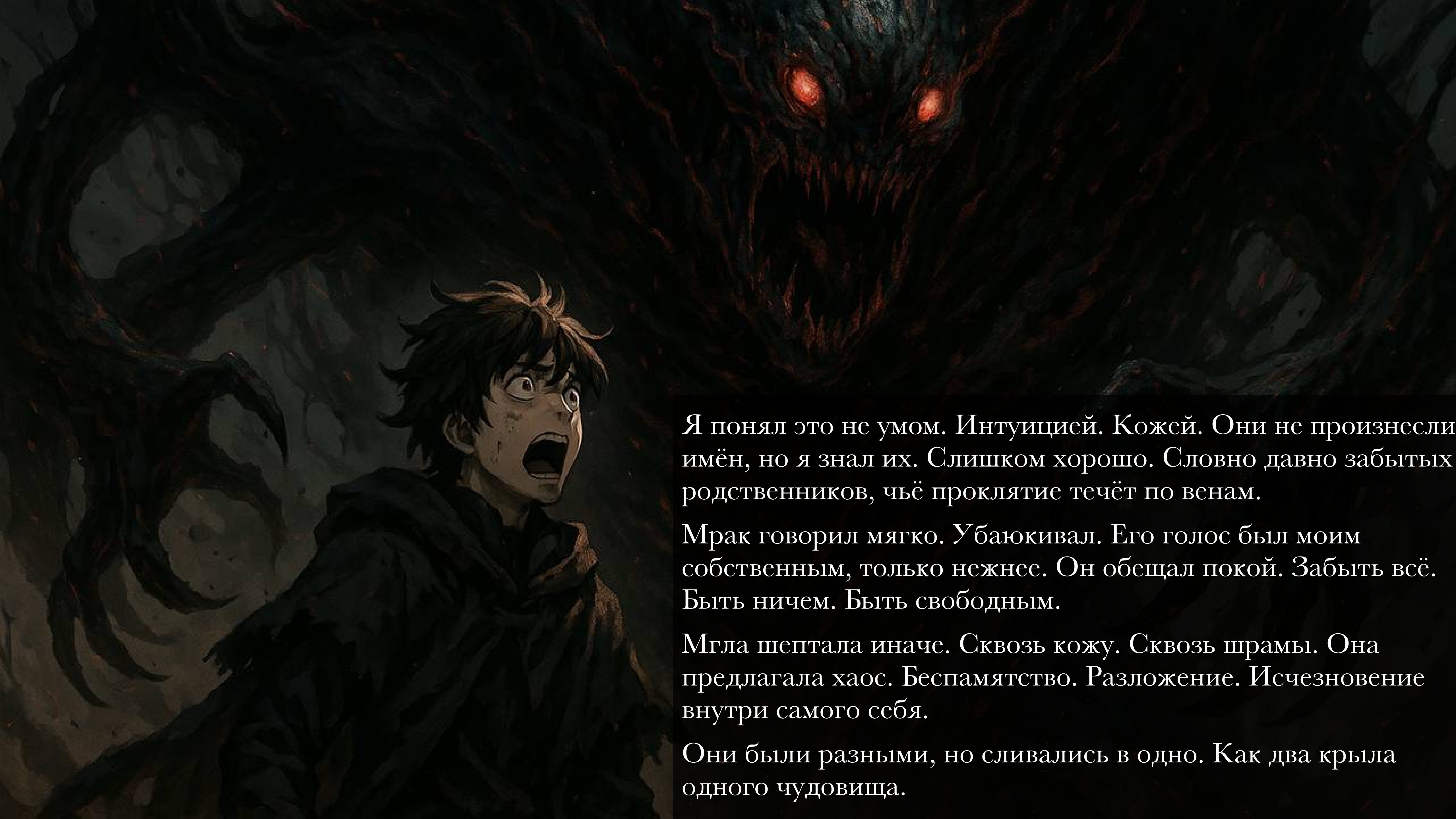
Мир Тьмы. Не тот, что мы видели в пророчествах или сражениях. Тот, что был её родиной. Её утробой.

Но Тьмы больше не было. Я её уничтожил. Или... мне только так казалось. Потому что вскоре я почувствовал их.

Они не пришли — они были здесь всегда.

Они были тенью от несуществующего света. Эхо, забывшее, что когда-то было голосом.

Мрак. И Мгла.

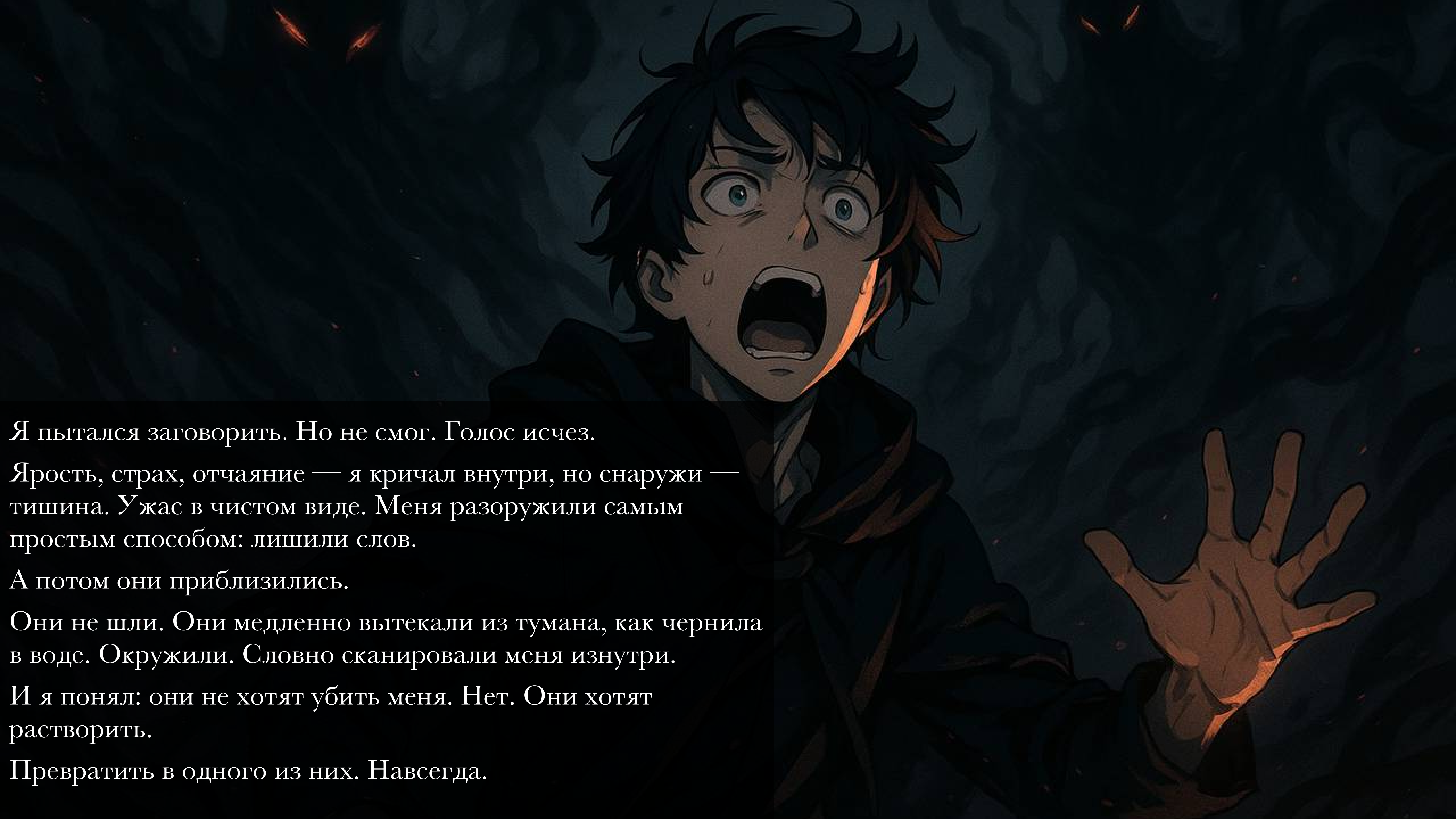

Я понял это не умом. Интуицией. Кожей. Они не произнесли имён, но я знал их. Слишком хорошо. Словно давно забытых родственников, чьё проклятие течёт по венам.

Мрак говорил мягко. Убаюкивал. Его голос был моим собственным, только нежнее. Он обещал покой. Забыть всё. Быть ничем. Быть свободным.

Мгла шептала иначе. Сквозь кожу. Сквозь шрамы. Она предлагала хаос. Беспамятство. Разложение. Исчезновение внутри самого себя.

Они были разными, но сливались в одно. Как два крыла одного чудовища.

Я пытался заговорить. Но не смог. Голос исчез.

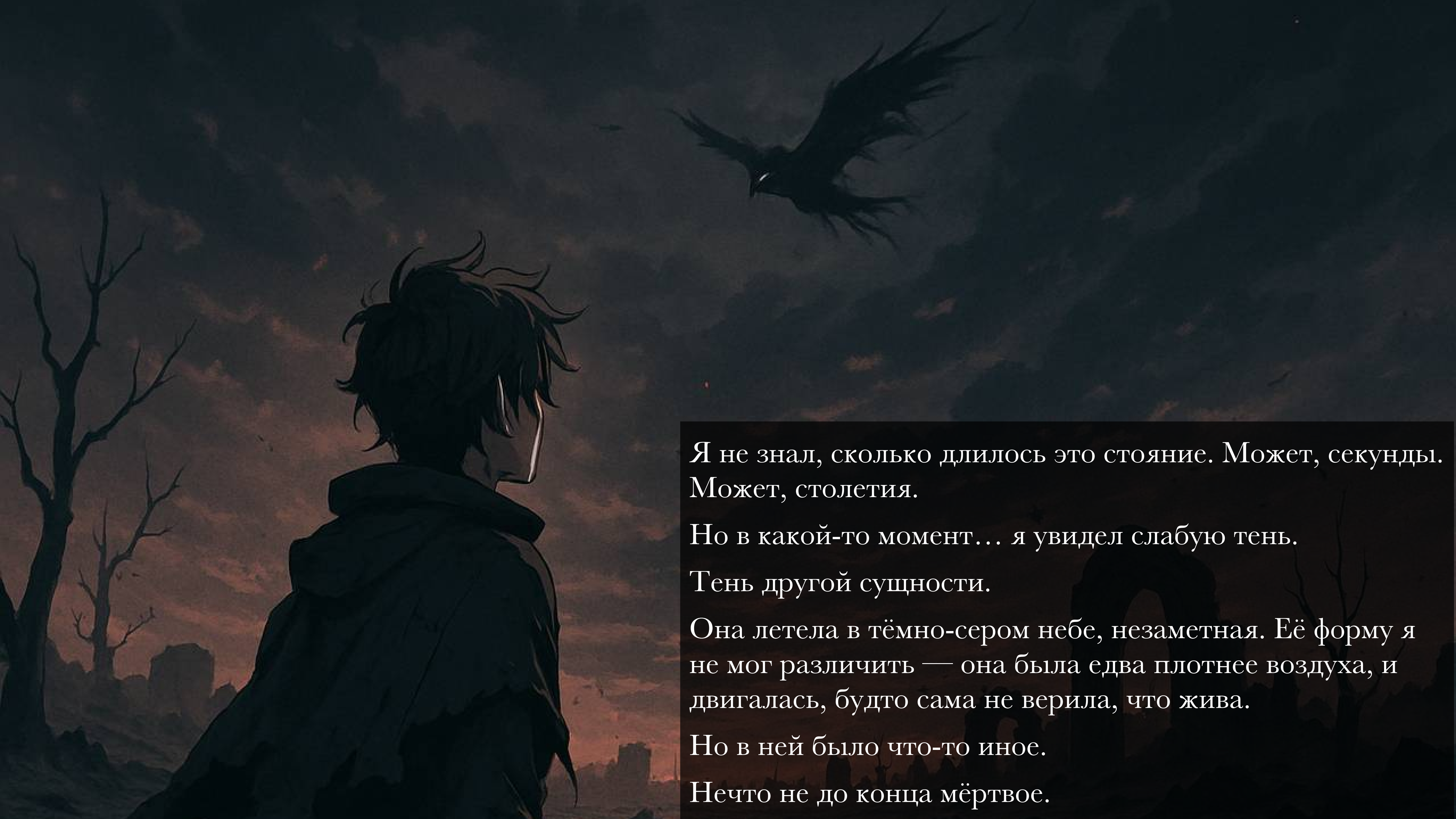
Ярость, страх, отчаяние — я кричал внутри, но снаружи — тишина. Ужас в чистом виде. Меня разоружили самым простым способом: лишили слов.

А потом они приблизились.

Они не шли. Они медленно вытекали из тумана, как чернила в воде. Окружили. Словно сканировали меня изнутри.

И я понял: они не хотят убить меня. Нет. Они хотят растворить.

Превратить в одного из них. Навсегда.

Я не знал, сколько длилось это стояние. Может, секунды. Может, столетия.

Но в какой-то момент... я увидел слабую тень.

Тень другой сущности.

Она летела в тёмно-сером небе, незаметная. Её форму я не мог различить — она была едва плотнее воздуха, и двигалась, будто сама не верила, что жива.

Но в ней было что-то иное.

Нечто не до конца мёртвое.

Пока Мрак и Мгла глядели на мою душу, я сделал шаг — и прыгнул в эту тень. Смертельный риск. Я буквально нырнул в чужую оболочку.

Мир содрогнулся. Мгновение — и я стал другим. Тенью в тени.

Мрак и Мгла отвлеклись. Они не заметили подмены. Я был не я. Я был кто-то другой. Или ничто. И этого хватило.

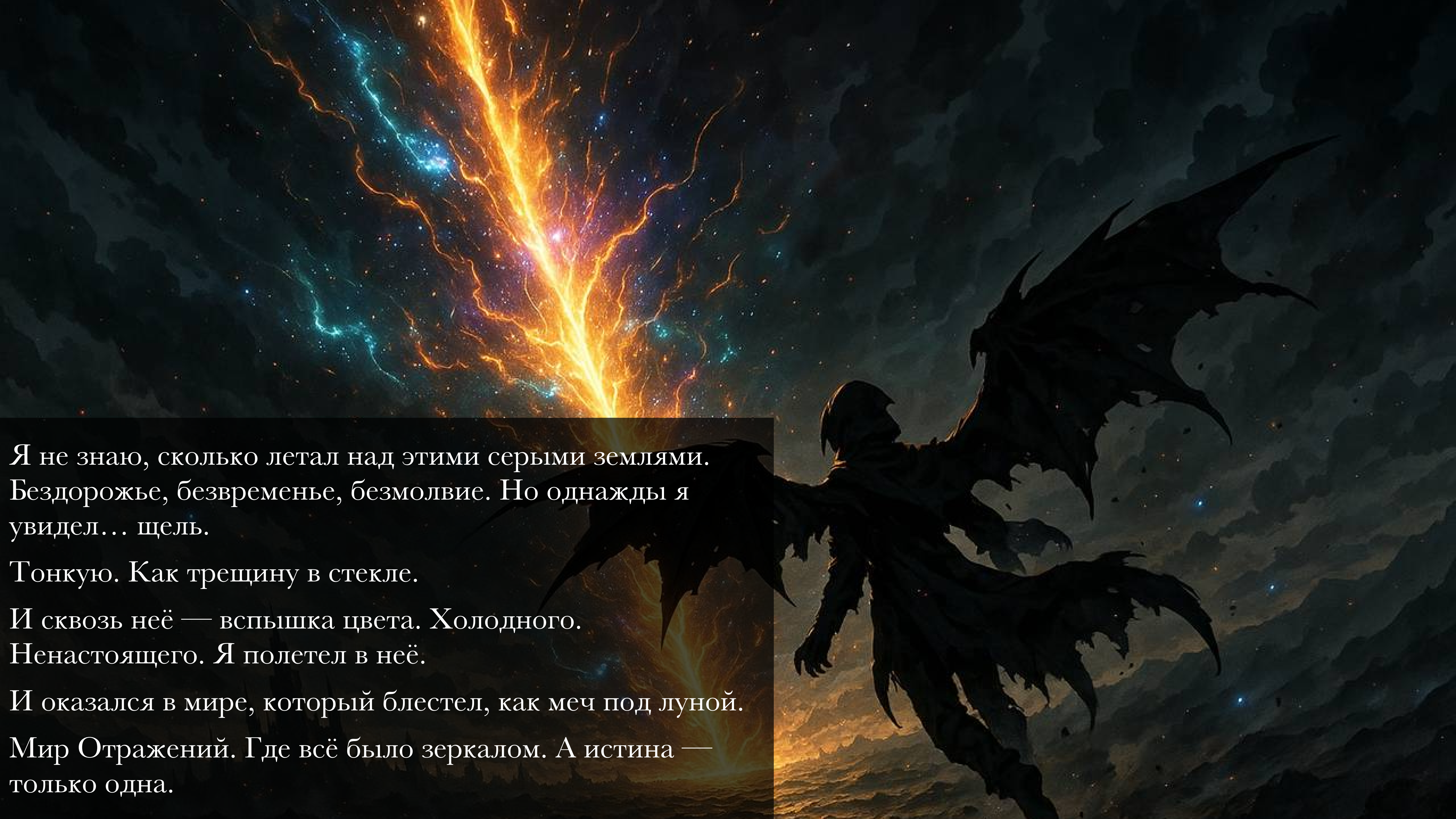

Я поднимался вверх. Тихо, как могла бы лететь тень. Без звука. Без цели. Просто — прочь.

Они не гнались. Они продолжали смотреть... в точку, где стоял я. Или тот, кем я был.

Они остались там. Или растворились. Я не знаю.

Я ушёл. Остался жив. Но мой голос — остался с ними.

Я не знаю, сколько летал над этими серыми землями.
Бездорожье, безвременье, безмолвие. Но однажды я
увидел... щель.
Тонкую. Как трещину в стекле.
И сквозь неё — вспышка цвета. Холодного.
Ненастоящего. Я полетел в неё.
И оказался в мире, который блестел, как меч под луной.
Мир Отражений. Где всё было зеркалом. А истина —
только одна.

ГЛАВА 2. Лабиринт Отражений

Мир встретил меня зеркалами.

Каждая поверхность — отражающая. Стены — из хрусталя, пол — как гладь воды, но твёрдая. Воздух отдавал тонким звоном, как если бы весь мир был натянутой струной. Каждый шаг отзывался эхом, умножаясь в десятки голосов — моих, но чужих. Словно все они — разные версии меня, застывшие в неподвижности.

Я шёл молча — свой голос я потерял в мире Тьмы.

И в каждом отражении видел себя — но не такого, каким был. То я был старше. То — с короной. То — с кровью на руках. То — слепой. То — счастливый, как будто ничего никогда не случилось.

Каждое зеркало — путь, которого я не выбрал. Ложь, завёрнутая в правду. Правда, утонувшая в отражении.

Я знал, что где-то здесь спрятан ключ.
Тот самый, что ведёт к следующей двери. К следующему
миру. К цели. Но здесь — тысячи ключей.
Каждый сверкает. Каждый отражается в сотне других.
А я — в ловушке.

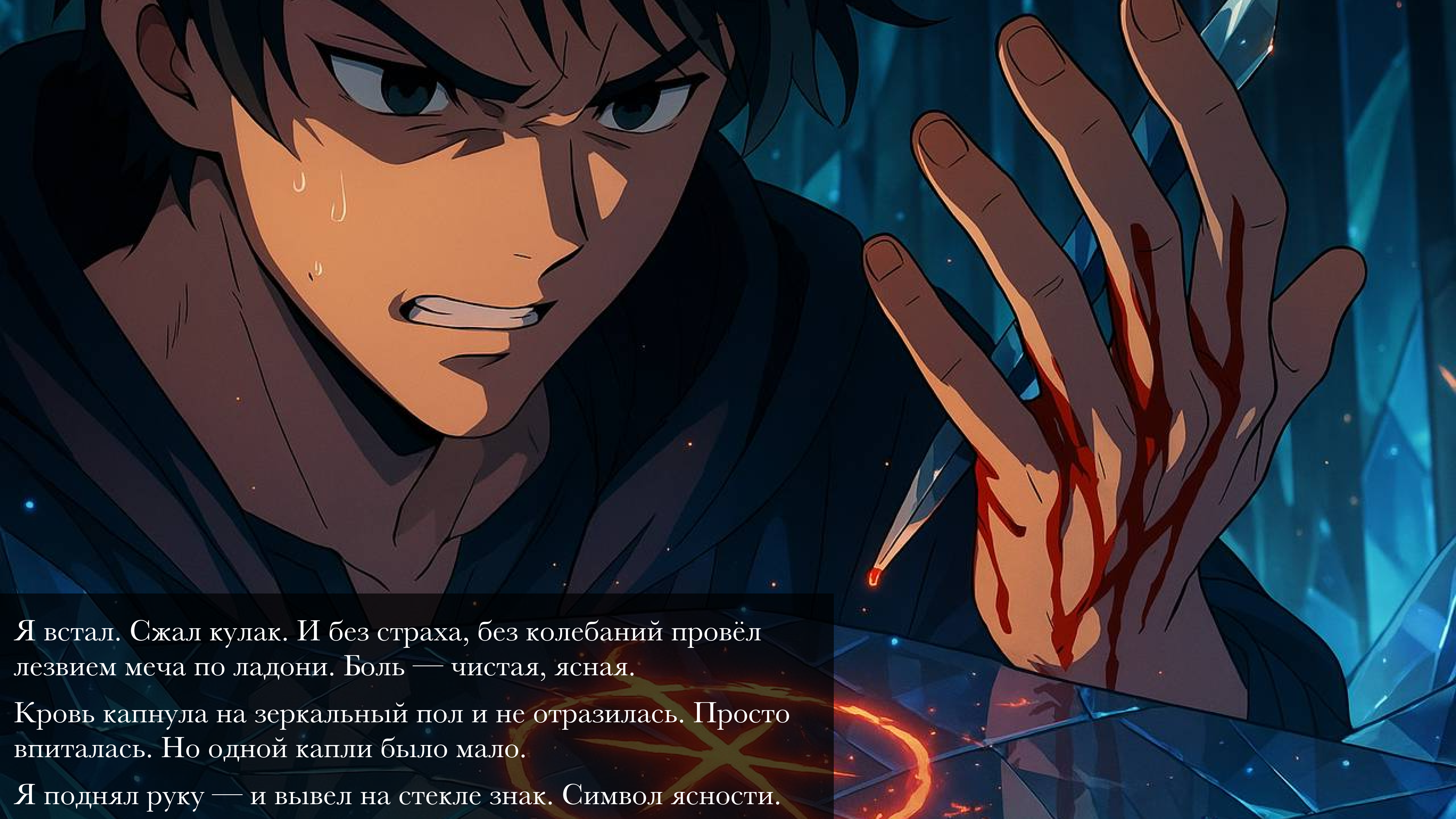

Сначала я пытался различить их на глаз.
Один казался тяжелее. Второй — тоньше. Третий — с трещиной.
Я хватал один — и он рассыпался в свет. Иллюзия. Другой — кусал ладонь,
как живая змея. Третий — исчезал, как только я приближался.
Я начал злиться. А потом — бояться. Что, если настоящего ключа вовсе нет?
Что, если я застрял тут навсегда, в плену своих отражений?

Я попытался вспомнить, как раньше призывал свет — внутреннюю силу, ту, что прогнала ёжиков Тьмы и сожгла их заклятие. Напрягся. Протянул ладони...
Ничего. Ни тепла. Ни света. Я был пуст. Сила ушла вместе с голосом.

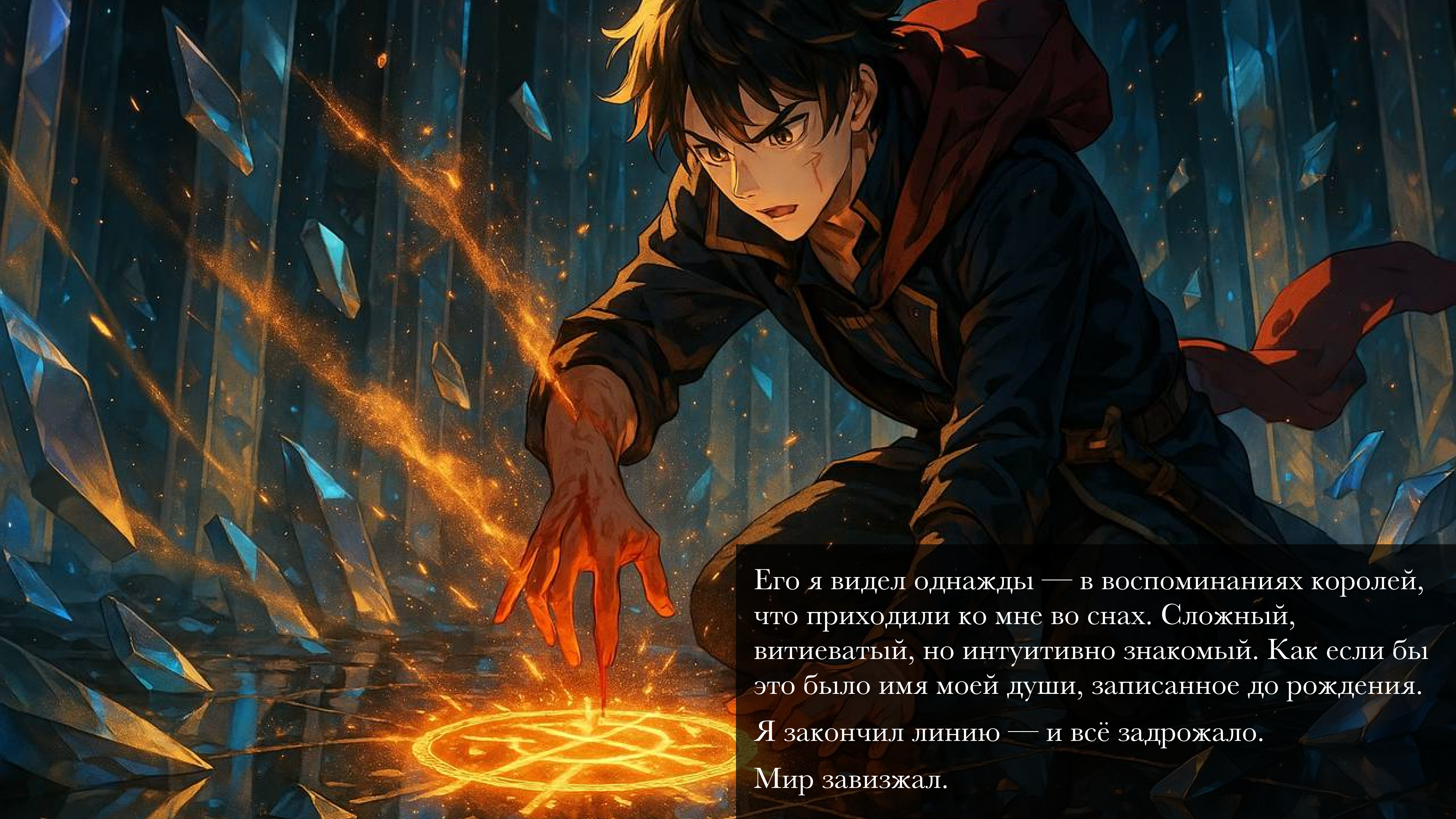
Я сел посреди зеркального зала. Десятки моих отражений сели вместе со мной, как арестанты в хрустальной клетке.
И тогда я понял: я не найду ключ взглядом. Потому что он не от ума. Он от истины.

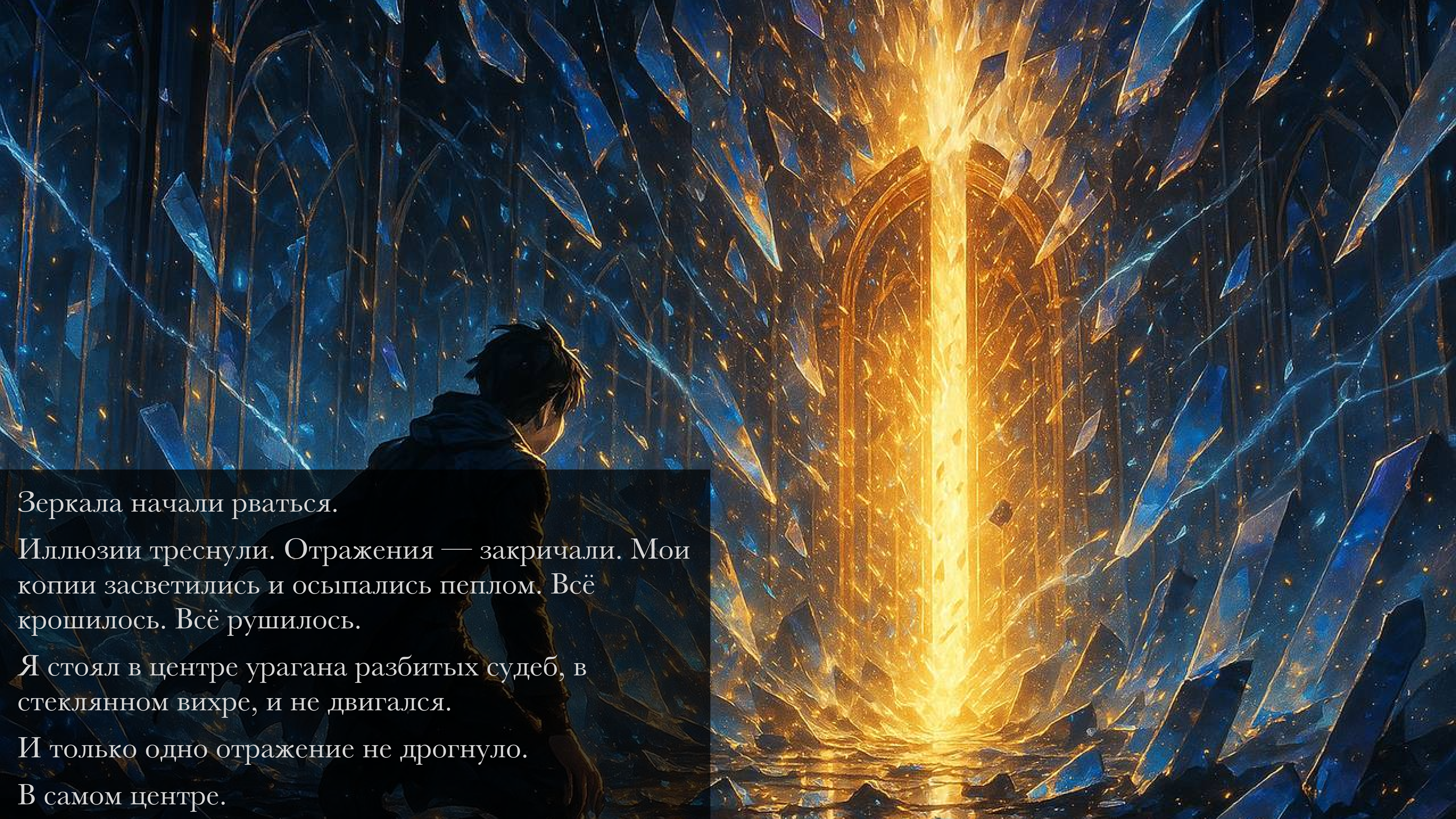
Я встал. Сжал кулак. И без страха, без колебаний провёл
лезвием меча по ладони. Боль — чистая, ясная.

Кровь капнула на зеркальный пол и не отразилась. Просто
впиталась. Но одной капли было мало.

Я поднял руку — и вывел на стекле знак. Символ ясности.

Его я видел однажды — в воспоминаниях королей,
что приходили ко мне во снах. Сложный,
витиеватый, но интуитивно знакомый. Как если бы
это было имя моей души, записанное до рождения.
Я закончил линию — и всё задрожало.
Мир завизжал.

Зеркала начали рваться.

Иллюзии треснули. Отражения — закричали. Мои копии засветились и осыпались пеплом. Всё крошилось. Всё рушилось.

Я стоял в центре урагана разбитых судеб, в стеклянном вихре, и не двигался.

И только одно отражение не дрогнуло.

В самом центре.

Маленький серебряный ключ. Без орнаментов. Без
блеска. Настоящий. Я шагнул к нему и взял.
В тот миг всё вокруг рухнуло.

Мир начал обрушиваться, как карточный дом, собранный из кристаллов и лжи. Стены взлетали в воздух, треск шёл по небу. Изломанные копии меня падали в бесконечность. Ветер резал кожу стеклянной пылью. Я прикрыл лицо плащом и побежал.

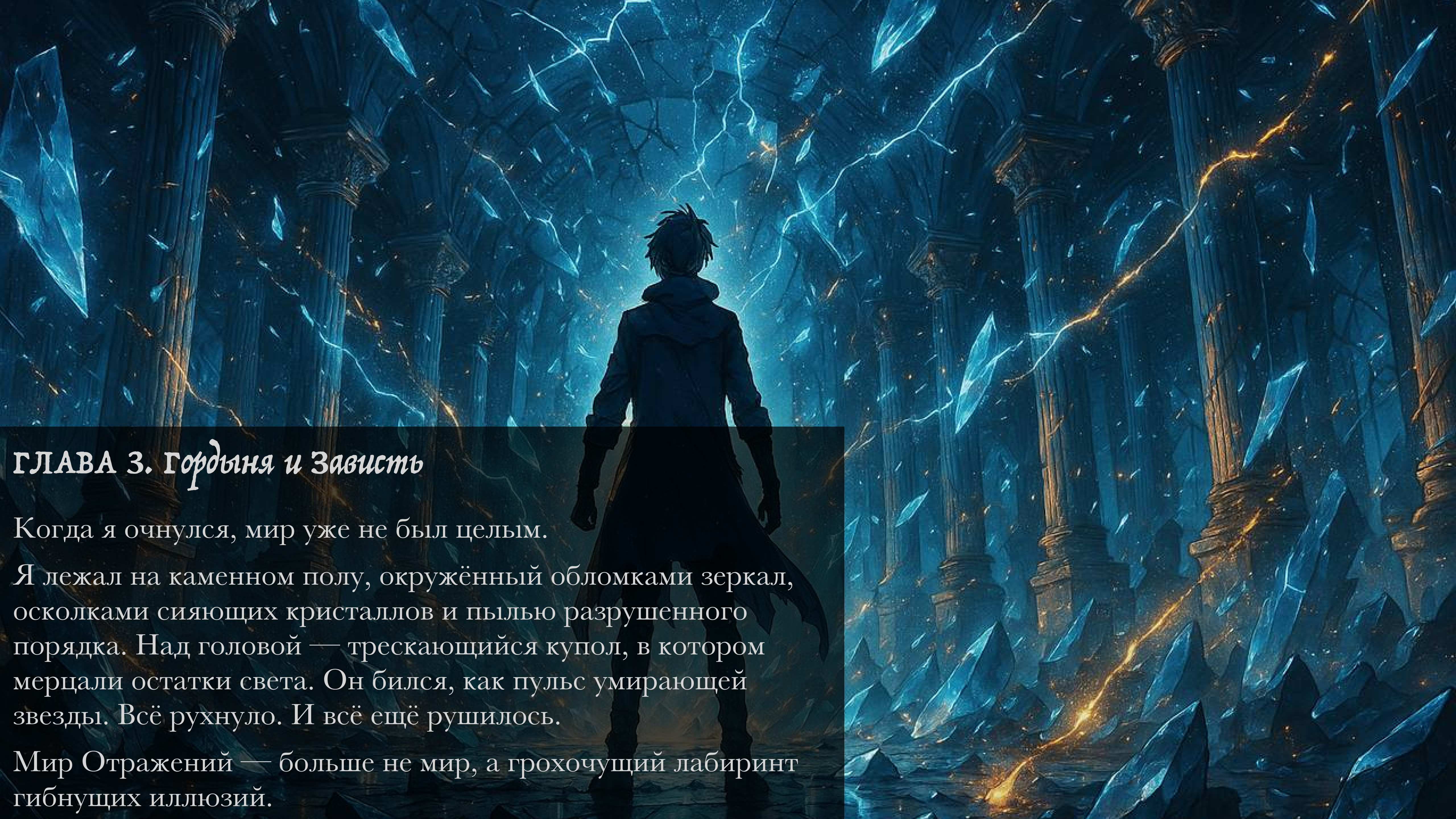

Сквозь шрапнель и свет. Сквозь боль и слепящие осколки. Пока не увидел их. Врата.

Они не были дверями. Не были аркой. Не каменными плитами. Они были разломом. Границей.

Серебристое сияние плясало в их сердцевине, а по краям торчали осколки разрушенного мира.

Я шагнул к ним.

The background image is a full-page illustration. It depicts a character from behind, wearing a dark, long coat with a high collar and a small crest on the back. The character is standing in a vast, dark space filled with large, jagged, translucent blue crystals or shards of ice. The ceiling is a complex, cracked, and glowing blue structure. Several bright, jagged orange and yellow light bolts or energy discharges are visible, striking the crystals and creating a sense of intense power or destruction. The overall atmosphere is one of a shattered, magical realm.

ГЛАВА 3. Гордыня и Зависть

Когда я очнулся, мир уже не был целым.

Я лежал на каменном полу, окружённый обломками зеркал, осколками сияющих кристаллов и пылью разрушенного порядка. Над головой — трескающийся купол, в котором мерцали остатки света. Он бился, как пульс умирающей звезды. Всё рухнуло. И всё ещё рушилось.

Мир Отражений — больше не мир, а грохочущий лабиринт гибнущих иллюзий.

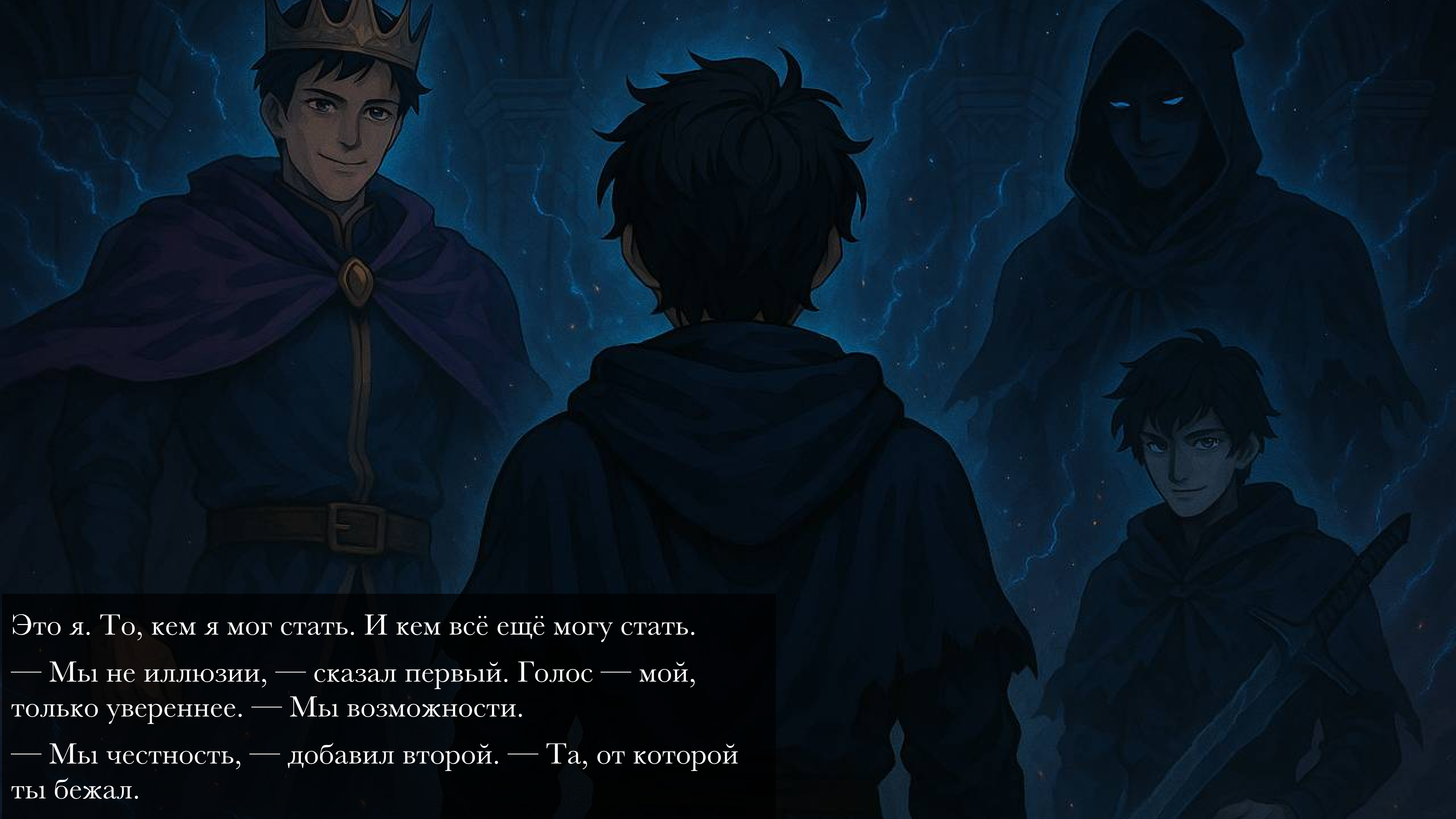

Я поднялся. И тогда они появились. Возникли внезапно — сначала как отблески. Потом — как силуэты. Двое.

Первый — в плаще короля, лицо — моё, но с осанкой монарха, с блеском власти в глазах. Он двигался легко, словно по ступеням трона.

Второй — тоньше, темнее. Его глаза смотрели не на меня, а сквозь. Он держал меч — тот самый, мой — но с тенью на клинке. И улыбка у него была... с сожалением.

Я сразу понял: это не враги.

Это я. То, кем я мог стать. И кем всё ещё могу стать.

— Мы не иллюзии, — сказал первый. Голос — мой, только увереннее. — Мы возможности.

— Мы честность, — добавил второй. — Та, от которой ты бежал.

Первый шагнул ближе.

— Ты достоин короны. Не бойся этого. Ты не просто наследник — ты рождён быть больше.

Я молчал. Безголосый. Но с каждым их словом внутри что-то отзывалось.

— Почему ты бежишь от силы? — продолжил второй. — Тебя завидуют, тебя боятся — это значит, ты выше.

Я сжал кулаки. Гордыня. И Зависть.

Я знал их. Они были во мне всегда. В моменты, когда я думал, что знаю лучше. Когда смотрел на других — и чувствовал раздражение от их счастья. Когда хотел быть первым — не ради дела, а ради признания.

Они не лгали. Они предлагали путь. Простой. Прямой.

Но за ним всегда пропасть.

Мир вокруг начал дрожать. Пространство сжималось.
Зеркала вокруг уже не отражали — они показывали.
Вот я — в короне. Жестокий, хладнокровный.
Правитель.

Вот я — стою над телом друга. Победа, но горькая.
Вот я — один. Всегда один.

И их голоса не умолкали.

— Без силы ты ничто.

— Без власти ты исчезнешь.

— Все забудут, если ты не оставишь следа.

Я поднял взгляд. Мои двойники стояли ближе. Один — с распростёртой рукой, другой — с мечом. Снова выбор.

Я сделал шаг вперёд. И ещё один. Но не к ним.
Я подошёл к ближайшему зеркалу. Крошечному.
Трещина шла по его грани. И я увидел себя. Настоящего.
Уставшего. Израненного. Немого. Но живого. Я положил
ладонь на стекло.

И шепнул мысленно: «Я не боюсь вас. Я знаю вас. Но я
— не вы.»

В этот миг мир вздрогнул. Гордыня и Зависть закричали.
Их образы начали рушиться, как и всё вокруг. Не в
пепел. А в песок. Золотой и серый.
Мир Отражений превращался в своё начало. В пустыню.
Кристаллы — в пыль. Зеркала — в стеклянный песок.
Мои тени — в ветер. Я побежал..

A person with dark, spiky hair, wearing a long dark coat with a hood, stands with their back to the viewer. They are looking out over a vast, desolate landscape under a sky filled with intense orange and yellow flames or smoke. The ground is covered in dark, jagged rocks and debris. The overall atmosphere is one of despair and hopelessness.

Ни один путь больше не был ясен. Всё рушилось под ногами. Всё смешивалось.

Но я чувствовал зов. Тонкий. Сквозняк судьбы. И я бежал к нему

Сквозь вихрь и серое солнце, сквозь остатки мира — я добрался до Врат.

Они были внутри кратера, образованного падением главного зала. Огромные, перекрученные, но всё ещё сияющие.

Я прыгнул. И провалился в новый мир.

Следующее, что я почувствовал, — не землю, не боль.

А сон. Густой. Плотный. Сон, от которого нельзя проснуться.

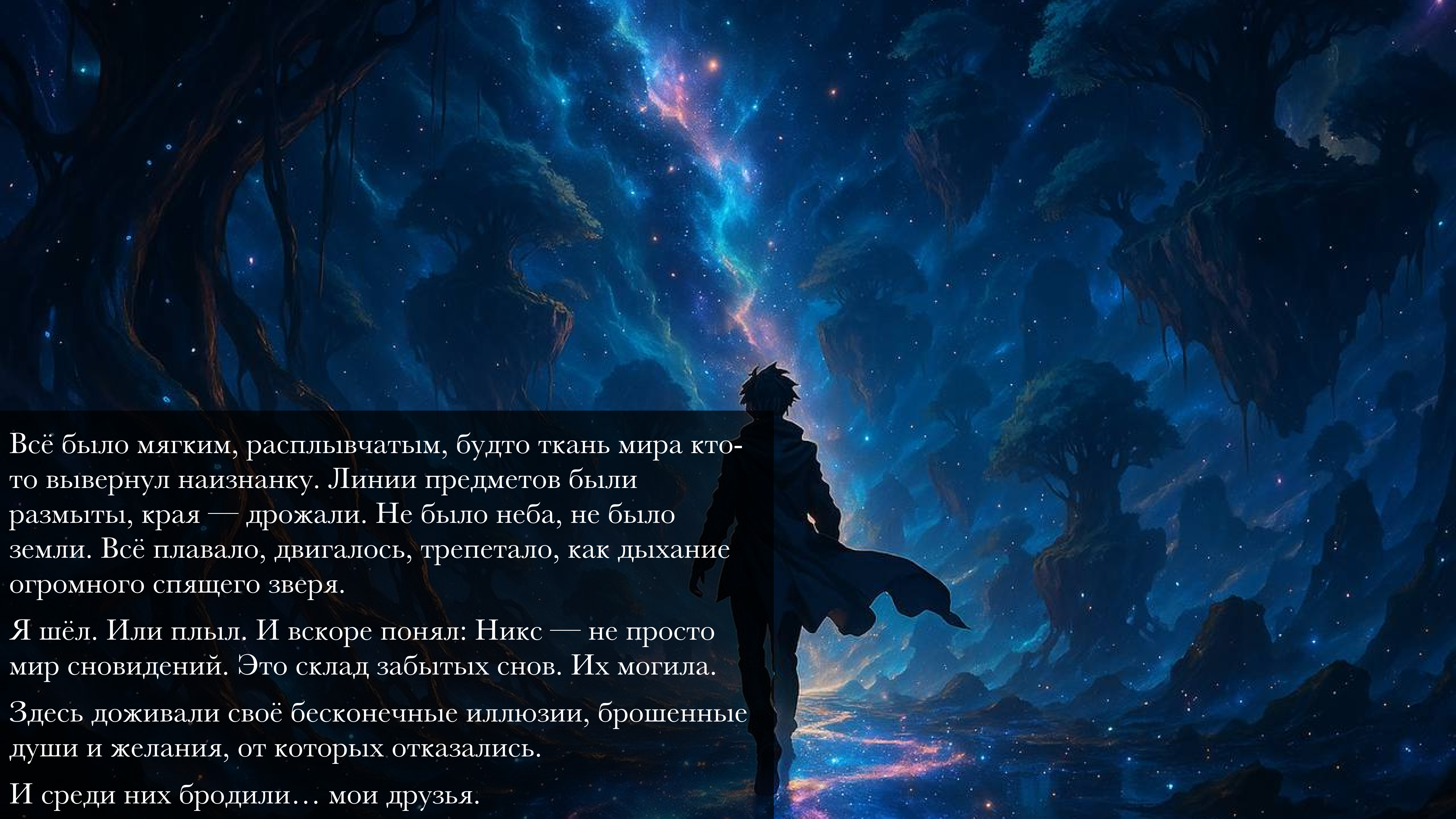
ГЛАВА 4. Мир Снов

Падение было бесконечным.

Но я не падал вниз. Я падал внутрь.

Мир Никс принял меня, как море принимает каплю дождя — без сопротивления, без звука. Просто поглотил. Словно всё, что было прежде — лишь прелюдия. А настоящая ловушка начиналась здесь.

Я открыл глаза — и понял, что ничего не вижу.

A silhouette of a person with a cape stands in the foreground, looking up at a vast, dark sky filled with stars and a vibrant, colorful nebula. The scene is set against a backdrop of dark, gnarled trees and a misty, ethereal atmosphere. The nebula displays a mix of blue, purple, and pink hues, creating a dreamlike and mysterious environment.

Всё было мягким, расплывчатым, будто ткань мира кто-то вывернул наизнанку. Линии предметов были размыты, края — дрожали. Не было неба, не было земли. Всё плавало, двигалось, трепетало, как дыхание огромного спящего зверя.

Я шёл. Или плыл. И вскоре понял: Никс — не просто мир сновидений. Это склад забытых снов. Их могила. Здесь доживали своё бесконечные иллюзии, брошенные души и желания, от которых отказались.

И среди них бродили... мои друзья.

Первой была Лета. Тонкая, светлая, как всегда. Она стояла у колодца, её волосы струились в такт ветру, которого не было.

— Ты вернулся, — сказала она.

Я протянул руку, но тут же замер.

Азурическое зрение — та странная, новая способность, которую я обрёл после ослепления — показало: она пуста. Её аура была ровной, без искры. Не ложь, но не жизнь. Лишь проекция, как забытый сон, потерявший суть.

Я отвернулся. Лета исчезла, будто никогда не существовала.

Затем — Пэн Даль.

Он сидел на полу библиотеки, водил пальцем по страницам. Шептал имена. Обращивался ко мне, смеялся.

Но его аура была сломана. В ней было что-то чуждое, как будто чужая душа надела его маску.

Фальшивая память. Я прошёл мимо.

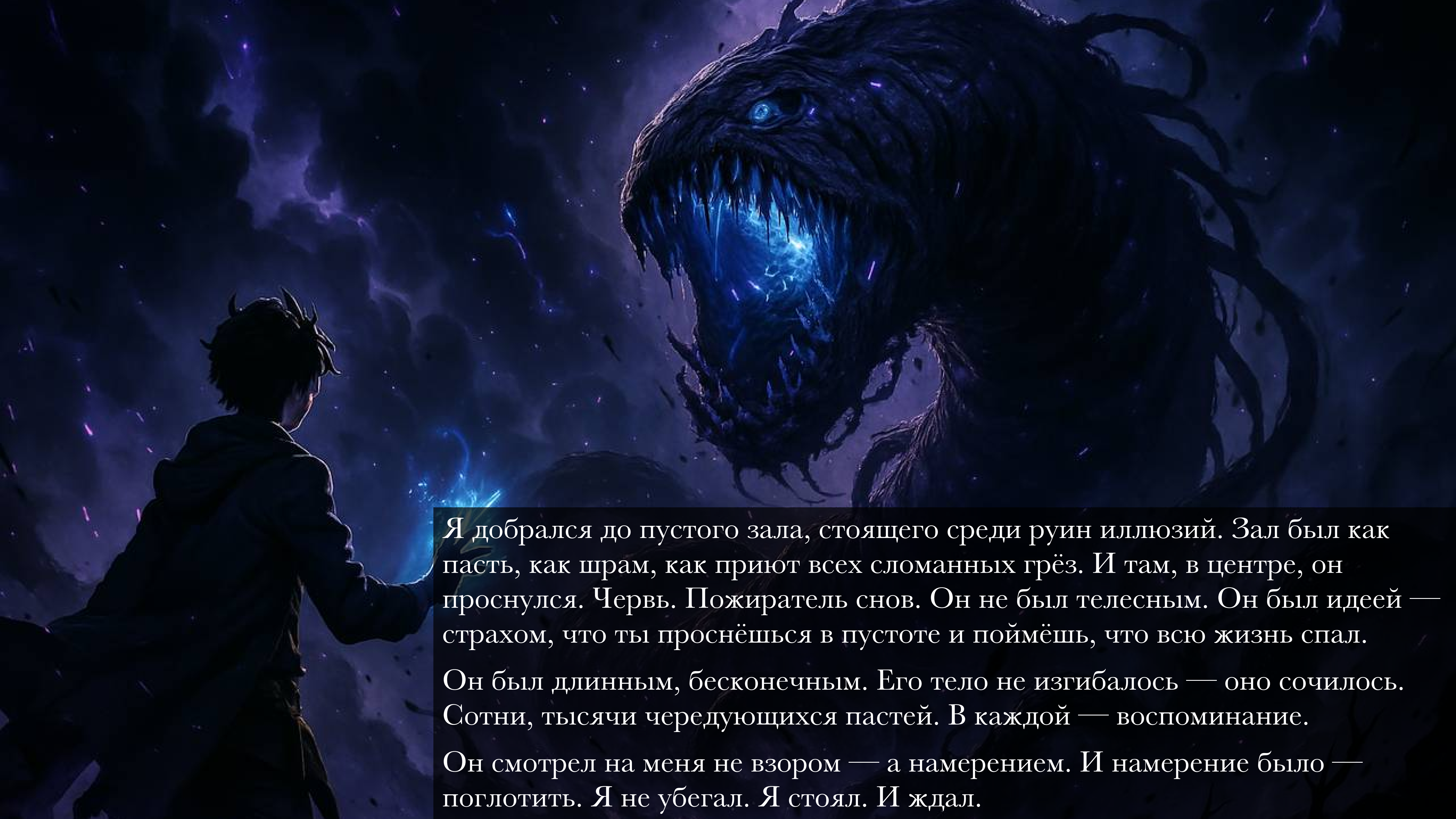
Я шёл дальше. И тогда увидел её. Айра. Она была настоящая.

Я чувствовал её ауру. Тонкую, как дуновение. Хрупкую. Её страх. Её нежность. Её веру. Она не была здесь телом — но была во сне. Где-то там, в мире живых, она спала... и снился я.

Мы встретились глазами — и я почувствовал, как что-то внутри меня зазвенело. Но в этот момент мир сжался. Он не хотел отпускать меня.

The background is a dark, textured blue night sky filled with numerous small, glowing yellow and orange stars. In the upper right, a large, dark, monstrous face with a wide, glowing orange-yellow mouth and sharp teeth looms down. In the lower center, the silhouette of a person with spiky hair is shown from behind, looking up at the sky. The overall mood is mysterious and ominous.

Чем дальше я двигался, тем меньше снов оставалось.
Они гасли, как костры, на которые забыли подбросить
дров.
И чем меньше становилось света — тем больше я
чувствовал Его. Он был здесь. Наблюдал.
Не двигался — но дышал всеми тенями этого мира.
Я чувствовал, как он подбирается ближе, изучает,
пробует моё присутствие на вкус.
Он не нападал. Он ждал. И я знал — скоро.

Я добрался до пустого зала, стоящего среди руин иллюзий. Зал был как пасть, как шрам, как приют всех сломанных грёз. И там, в центре, он проснулся. Червь. Пожиратель снов. Он не был телесным. Он был идеей — страхом, что ты проснёшься в пустоте и поймёшь, что всю жизнь спал.

Он был длинным, бесконечным. Его тело не изгибалось — оно сочилось. Сотни, тысячи чередующихся пастей. В каждой — воспоминание.

Он смотрел на меня не взором — а намерением. И намерение было — поглотить. Я не убегал. Я стоял. И ждал.

Когда он бросился — я прыгнул в сторону и закрыл глаза.
Зрение было бесполезно. Но азурическое чувство — нет.
Я видел его ауру. Сгусток жадности, вязкой муки, тьмы
и... усталости.
Да. Он устал. Он пожирал так долго, что не мог
остановиться. Я понял: он не убьёт меня.
Он попытается сделать из меня сон. Вшить в свои ткани.
Разложить по символам. Он делал так с тысячами душ. И
именно это стало его слабостью.

Я побежал. Не прочь — вглубь. Он гнался. Его тело ломало сны. Мир стонал, задыхался, разрушался.

И я — вывел его туда, где сны оборачивались на самих себя. В Сердце Цикла. Место, где любой сон начинает повторяться.

Я встал в центр, раскинув руки.

— Вот я, — прошептал я внутри себя. — Я — тот, кого ты не сможешь забыть.

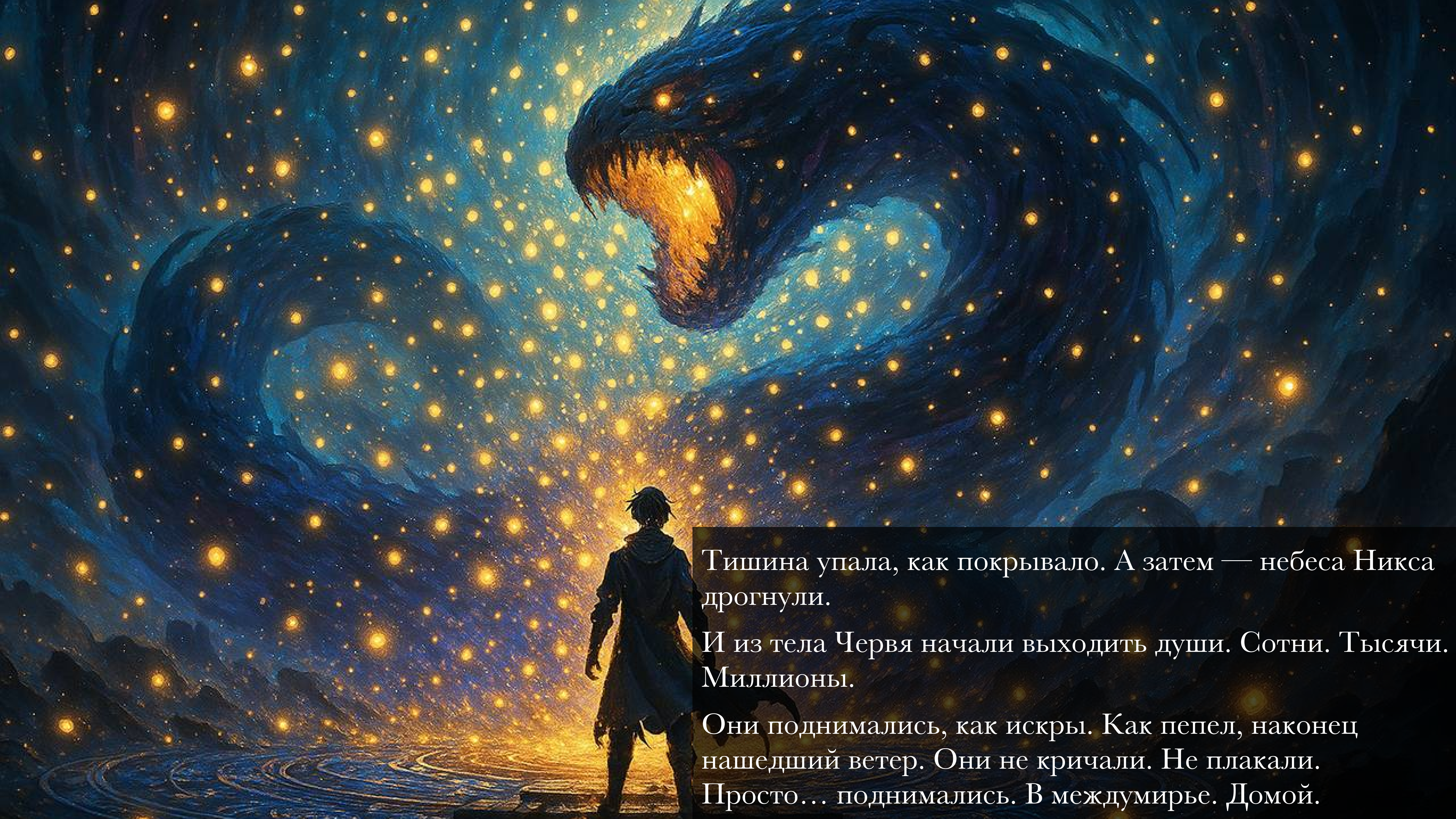

Червь прыгнул. Я не двигался. Он сомкнул пасти. И попал в ловушку.

Сердце Цикла завопило. Песок времени замер. Пожиратель снов... проснулся.

Он впервые понял, где он. Кто он. Сколько он ел. Сколько он украл. Сколько душ он навечно запечатал в себе.

Он... осознал. И не выдержал. Сначала он завопил. Потом — изогнулся. И, наконец — затих. Свернулся в кольцо. И заснул. Вечным сном.

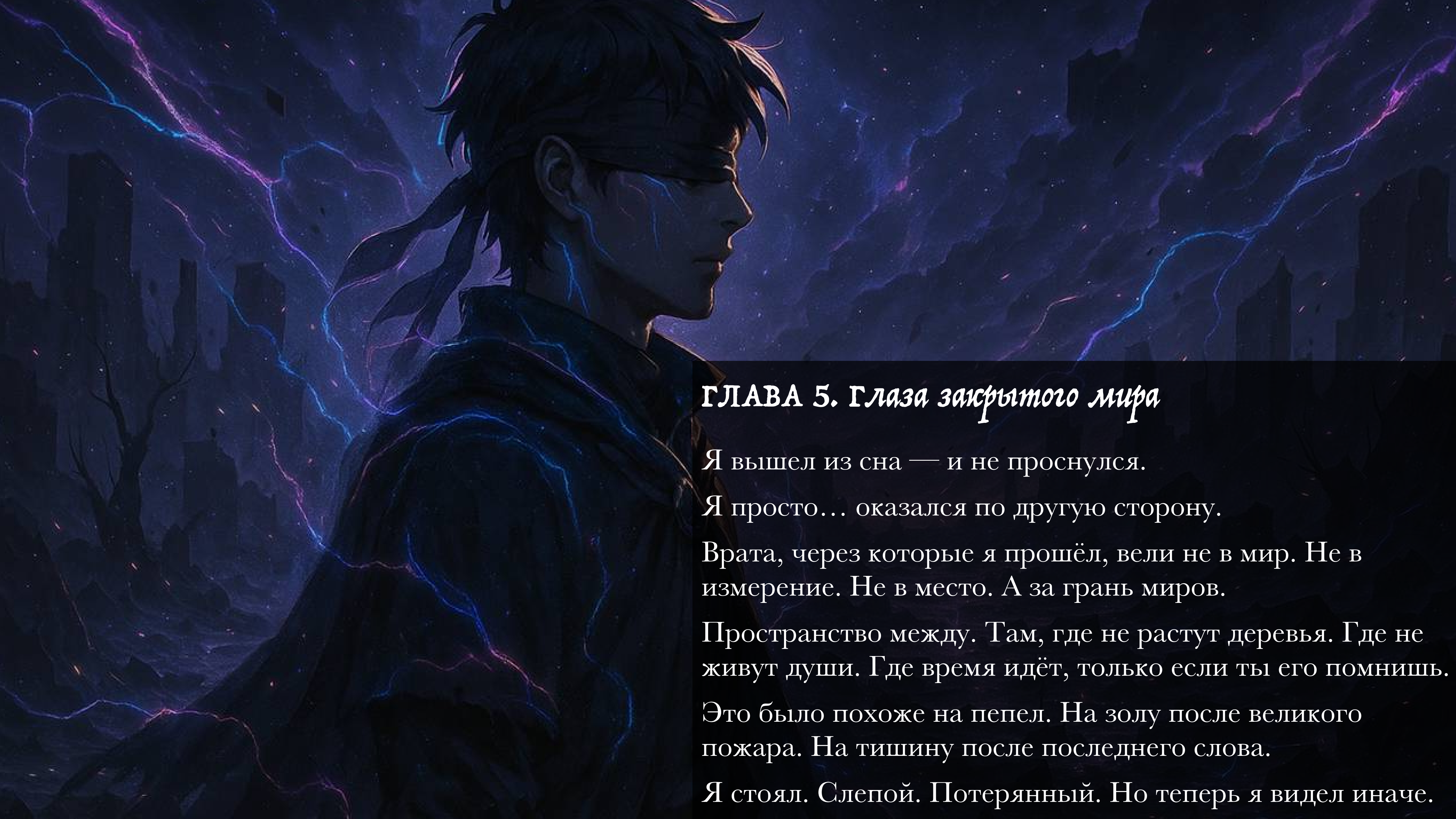
Тишина упала, как покрывало. А затем — небеса Никса дрогнули.

И из тела Червя начали выходить души. Сотни. Тысячи. Миллионы.

Они поднимались, как искры. Как пепел, наконец нашедший ветер. Они не кричали. Не плакали. Просто... поднимались. В междумирье. Домой.

Я остался один. Пустой зал.
Покой. И где-то вдали — врата.
Тонкие. Как щель. Как трещина между сном и явью.
Я пошёл туда. Медленно. Почти наощупь.

ГЛАВА 5. Глаза закрытого мира

Я вышел из сна — и не проснулся.

Я просто... оказался по другую сторону.

Врата, через которые я прошёл, вели не в мир. Не в измерение. Не в место. А за грань миров.

Пространство между. Там, где не растут деревья. Где не живут души. Где время идёт, только если ты его помнишь.

Это было похоже на пепел. На золу после великого пожара. На тишину после последнего слова.

Я стоял. Слепой. Потерянный. Но теперь я видел иначе.

Азурическое зрение не рисовало передо мной линии, цвета, формы.
Оно показывало истину. Суть. Я чувствовал, где живое, а где мёртвое.
Где опасность. Где доброта. Где страх. Где ложь. Где было «ещё» — а где уже «никогда».
Существа, что прятались в междумирье, уже не могли скрыться. Я видел их следы — не телесные, а эмоциональные. Ауры, как волны. Мутные — у проклятых. Прозрачные — у забытых. И только у тех, кто помнил свою цель — свечение. Нечёткое. Но настоящее.
Я шёл наугад, но каждый шаг был точен. Потому что теперь я следовал не за дорогой — а за истиной.

Первым, кого я встретил, был мальчик.

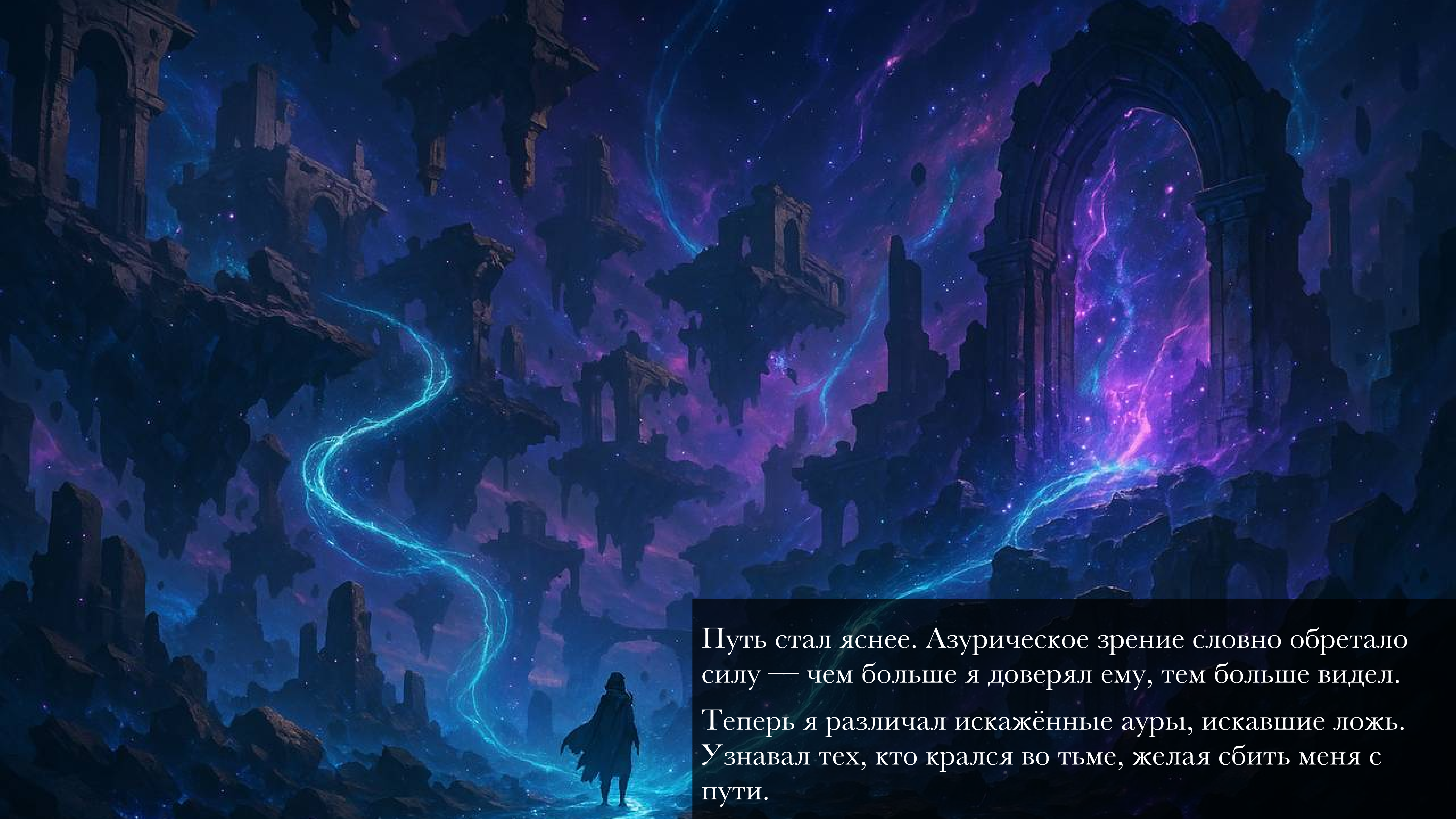
Он сидел на развалинах... чего-то. Города? Города больше не было. Осталась только мысль, что он когда-то был.

Мальчик смотрел вперёд. Его глаза были пусты. Но его аура — дрожала. Надежда. Он не знал, кто он. Не помнил, откуда. Но надеялся, что кто-то придёт. Я не знал, кто он. Но я был тем, кто пришёл. Я коснулся его плеча. Его душа дрогнула. И он исчез. Вспыхнул — и ушёл. Домой.

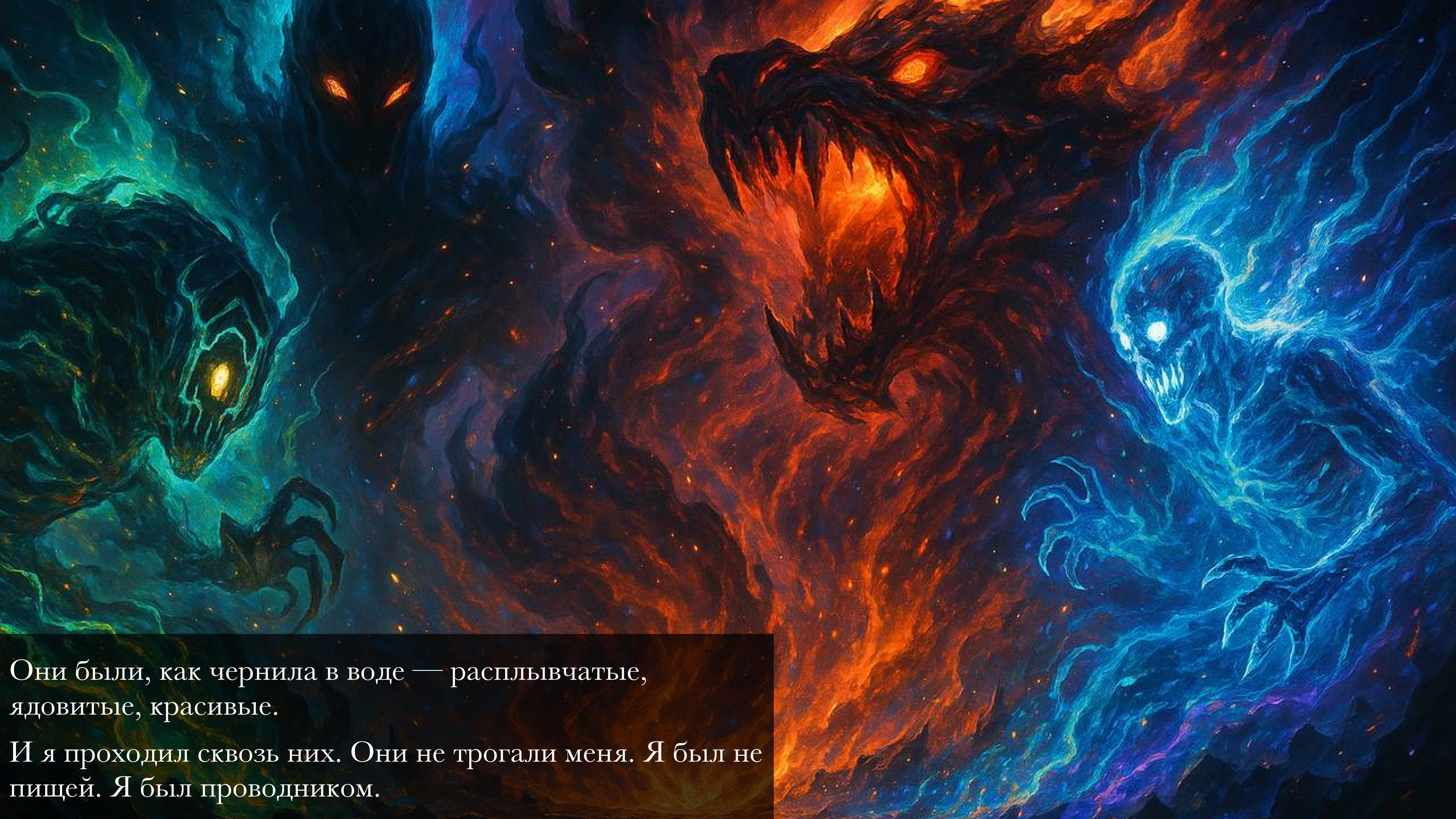

Потом были другие. Женщина, потерявшая имя.
Старик, забывший язык.
Существо без формы, но с чувством вины, сжимающим
его сильнее стали.
Я не говорил с ними. Мне не нужно было. Моё
присутствие — мой путь — был ответом.
Я не спасал. Я... освобождал.

Путь стал яснее. Азурическое зрение словно обретало силу — чем больше я доверял ему, тем больше видел. Теперь я различал искажённые ауры, искавшие ложь. Узнавал тех, кто крался во тьме, желая сбить меня с пути.

Они были, как чернила в воде — расплывчатые, ядовитые, красивые.

И я проходил сквозь них. Они не трогали меня. Я был не пищей. Я был проводником.

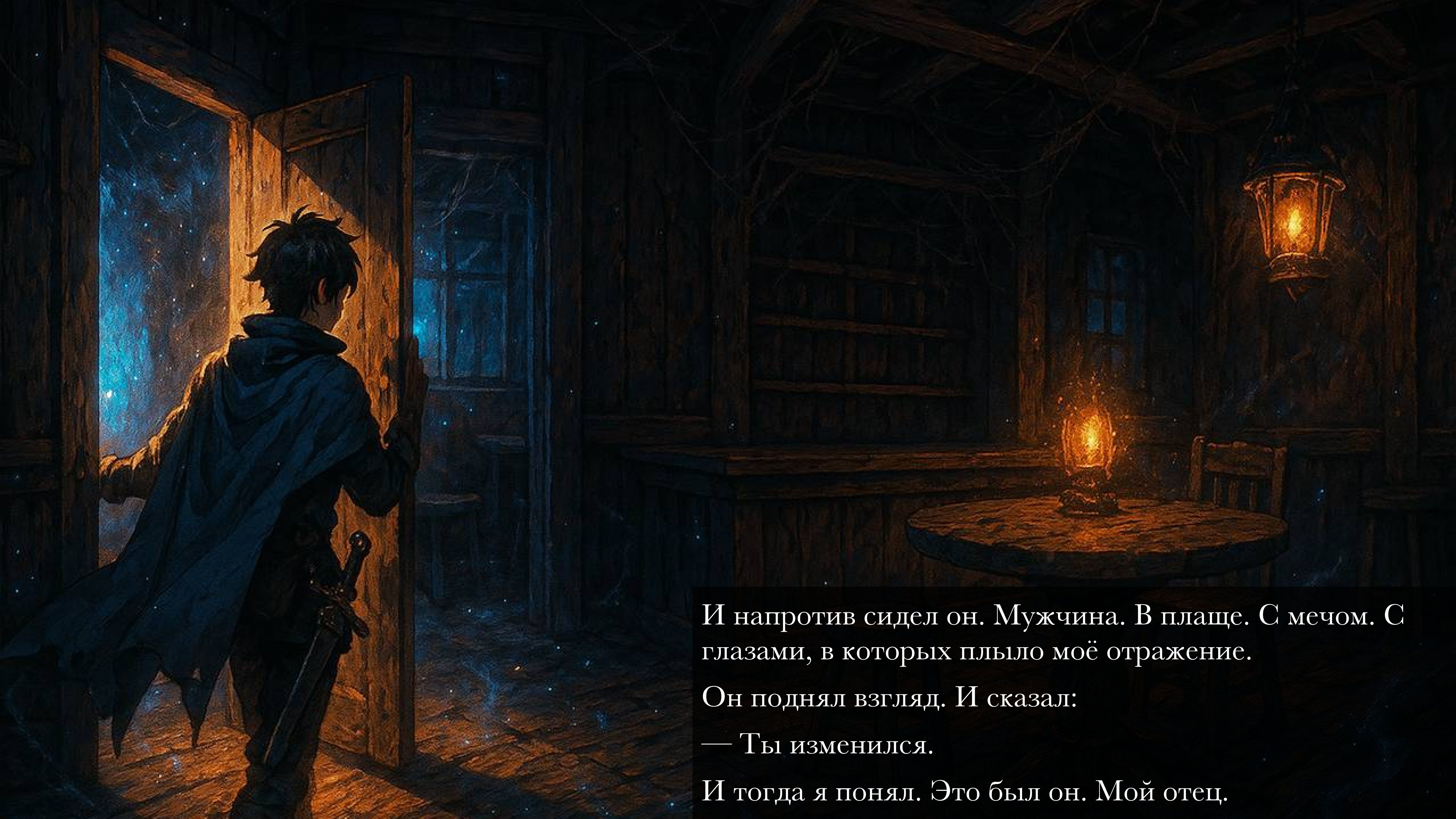

И вот — среди серой бездны — я почувствовал его.
Свет.

Но не яркий. Не ослепляющий. Тёплый.
Как свеча на столе, за которым сидит отец.
Я шёл туда. И вышел...
В трактир.

Он был старым. Скрипучим. Запылённым. Я узнал его сразу. Я сидел в нём когда-то — или ещё буду сидеть. В нём начиналась моя история. Или заканчивалась. В нём я был не героем. Не наследником. Просто — человеком.

И напротив сидел он. Мужчина. В плаще. С мечом. С глазами, в которых плыло моё отражение.

Он поднял взгляд. И сказал:

— Ты изменился.

И тогда я понял. Это был он. Мой отец.

ГЛАВА 6. Возвращение в трактир

— Ты изменился, — сказал он.

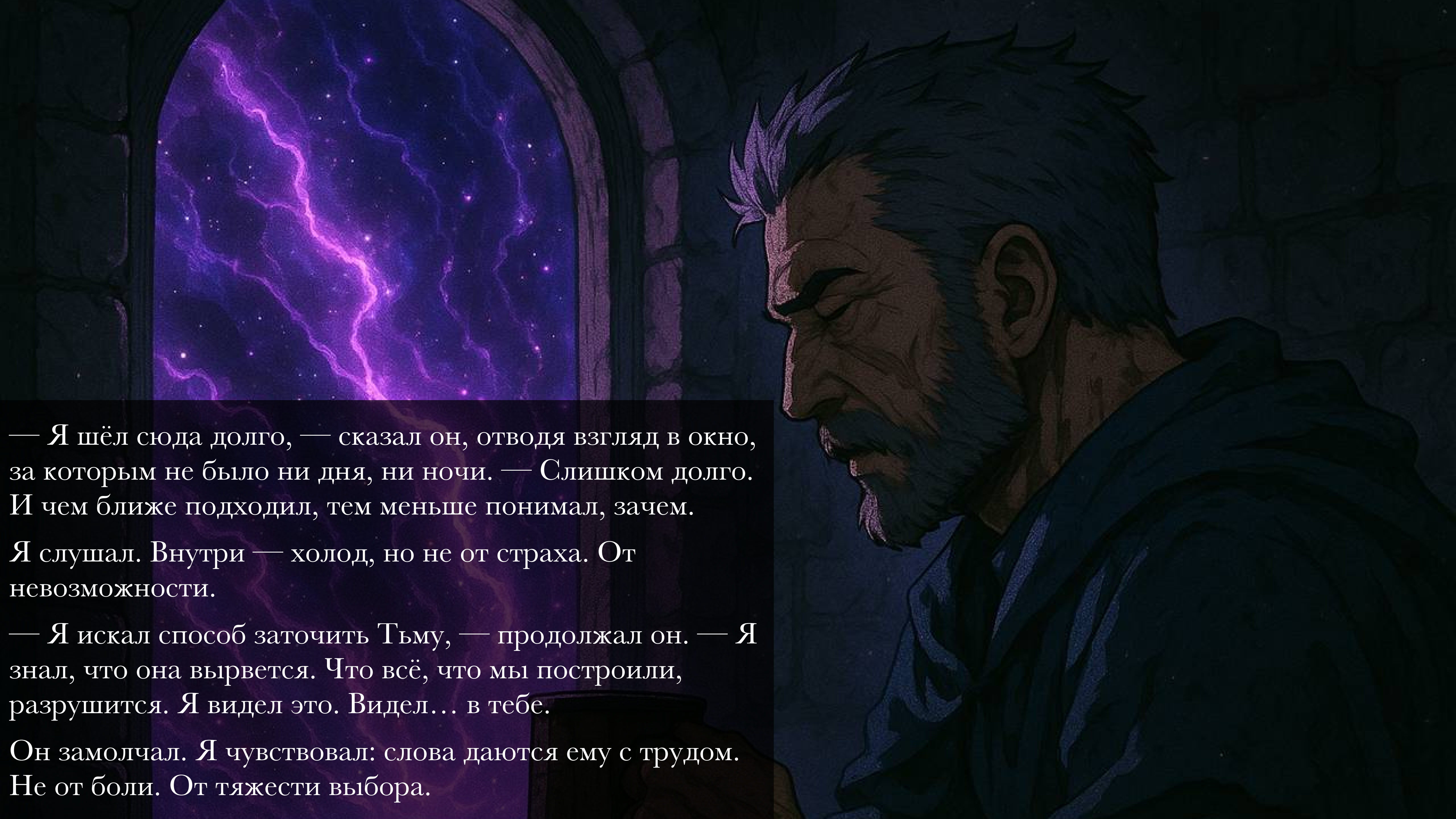
Его голос не был упрёком. Не был восхищением. Он просто... констатировал.

Я молчал. Не потому, что не хотел говорить. А потому что не знал, что сказать.

Передо мной сидел человек, которого я знал лишь по легендам, по теням в памяти, по обрывкам чужих воспоминаний. Его черты были знакомы — как собственное лицо в глубоком сне. И в то же время — чуждые. Строже. Тише. Мудрее.

Он был королём Энии. И он был моим отцом.

A man with a beard and short hair, wearing a dark blue robe, is shown in profile, looking out of a stone archway. Outside the archway, a bright purple lightning bolt strikes against a dark, starry night sky. The scene is dimly lit, with the primary light source being the purple lightning.

— Я шёл сюда долго, — сказал он, отводя взгляд в окно, за которым не было ни дня, ни ночи. — Слишком долго. И чем ближе подходил, тем меньше понимал, зачем.

Я слушал. Внутри — холод, но не от страха. От невозможности.

— Я искал способ заточить Тьму, — продолжал он. — Я знал, что она вырвется. Что всё, что мы построили, разрушится. Я видел это. Видел... в тебе.

Он замолчал. Я чувствовал: слова даются ему с трудом. Не от боли. От тяжести выбора.

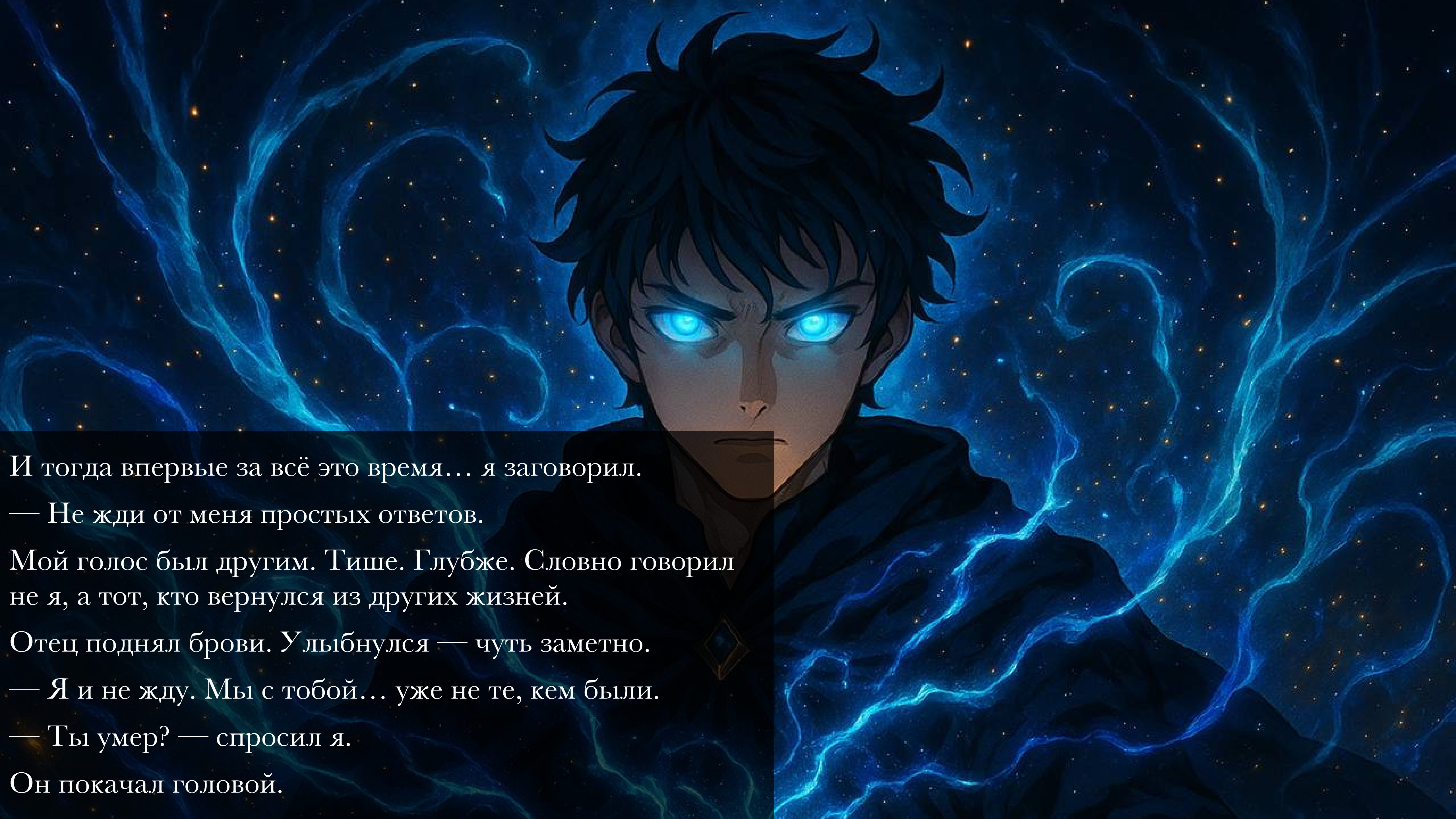

— Когда ты родился... я знал, что однажды ты станешь жертвой. Или героем. И мне не хотелось ни того, ни другого.

Он опустил взгляд. Его пальцы сжали деревянную кружку. Пустую. Как и всё здесь.

— Но ты стал кем-то другим.

Я кивнул.

An anime-style illustration of a young man with dark, spiky hair and intense, glowing blue eyes. He is looking directly at the viewer with a serious expression. The background is a deep blue space filled with numerous small, golden-yellow stars. Swirling around the character are ethereal, wavy lines of bright blue energy or light, resembling nebulae or magical auras. The overall mood is mysterious and powerful.

И тогда впервые за всё это время... я заговорил.
— Не жди от меня простых ответов.
Мой голос был другим. Тише. Глубже. Словно говорил
не я, а тот, кто вернулся из других жизней.
Отец поднял брови. Улыбнулся — чуть заметно.
— Я и не жду. Мы с тобой... уже не те, кем были.
— Ты умер? — спросил я.
Он покачал головой.

The image features two silhouetted figures against a dramatic, cosmic background. On the left, a larger silhouette of a man with a beard and spiky hair is shown in profile, facing right. On the right, a smaller silhouette of a younger person with spiky hair is shown in profile, facing left. The background is a deep blue space filled with glowing orange and yellow nebulae and distant stars. A semi-transparent dark rectangle is positioned in the lower right, containing white text.

— Нет. Просто ушёл. Я... спрятался в междумирье. Когда началась война, когда стены пали, когда пророчества начали сбываться. Я подумал: если я исчезну — ты вырастешь свободным.

— Я вырос один.

— Знаю.

Он сказал это тихо.

И этого было достаточно.

Мы сидели молча. Долго. Это была не пустота. Это было молчание двух людей, которые слишком много видели, чтобы прятаться за словами.

И только когда в углу трактира вспыхнул синий символ — мы оба повернулись одновременно.

— Ты тоже это чувствуешь? — спросил он.

Я кивнул.

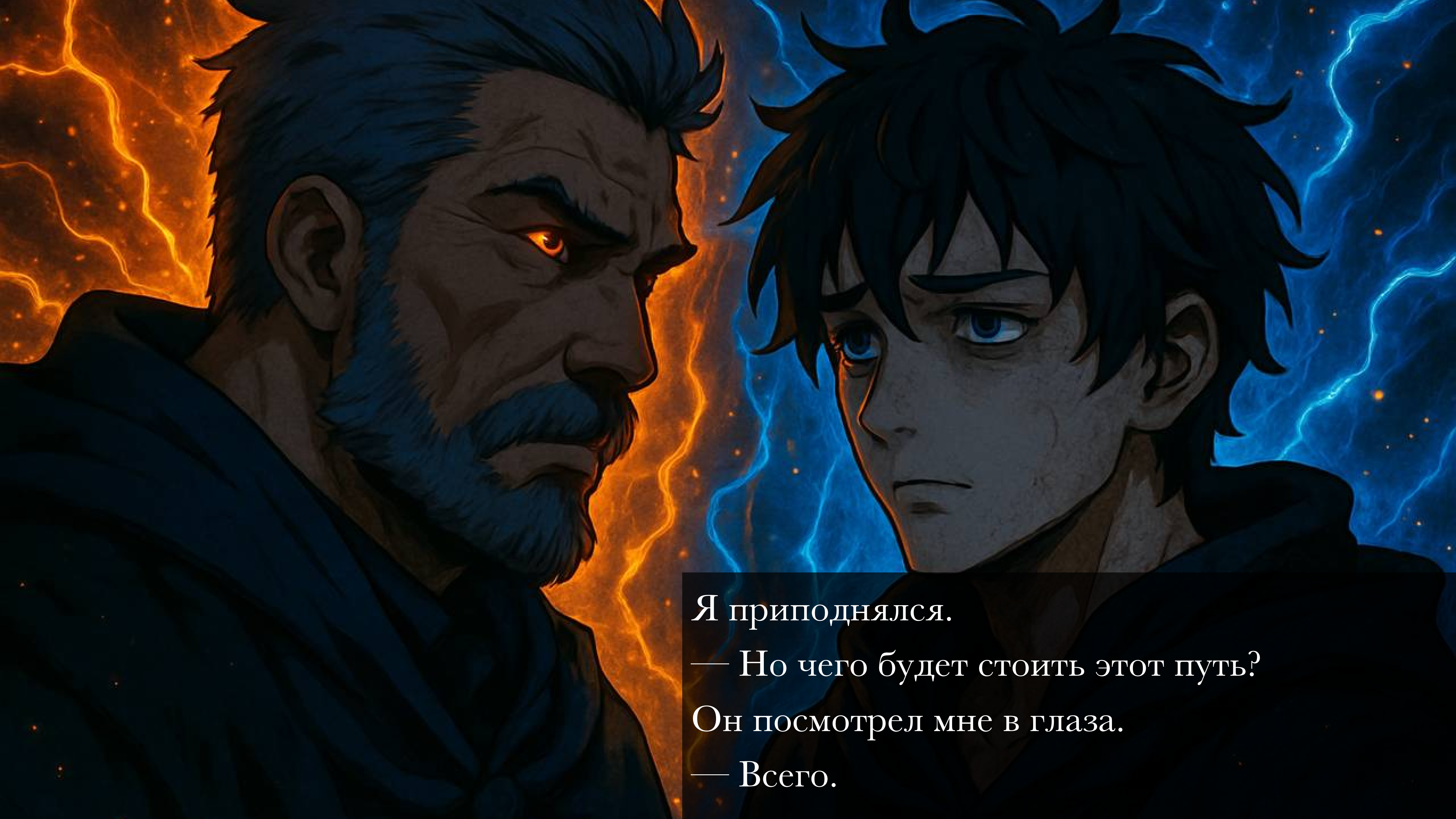
— Это не конец. Это начало. Что-то... сдвинулось.

— Врата, — сказал он. — Их больше не удерживает ни одно заклинание. Ни одна жертва. Ни одна граница.

Он встал. Пальцы сжались в кулак.
— Мы можем вернуться. В Энию.

Я приподнялся.

— Но чего будет стоить этот путь?

Он посмотрел мне в глаза.

— Всего.

ГЛАВА 7. *Разговор двух судеб*

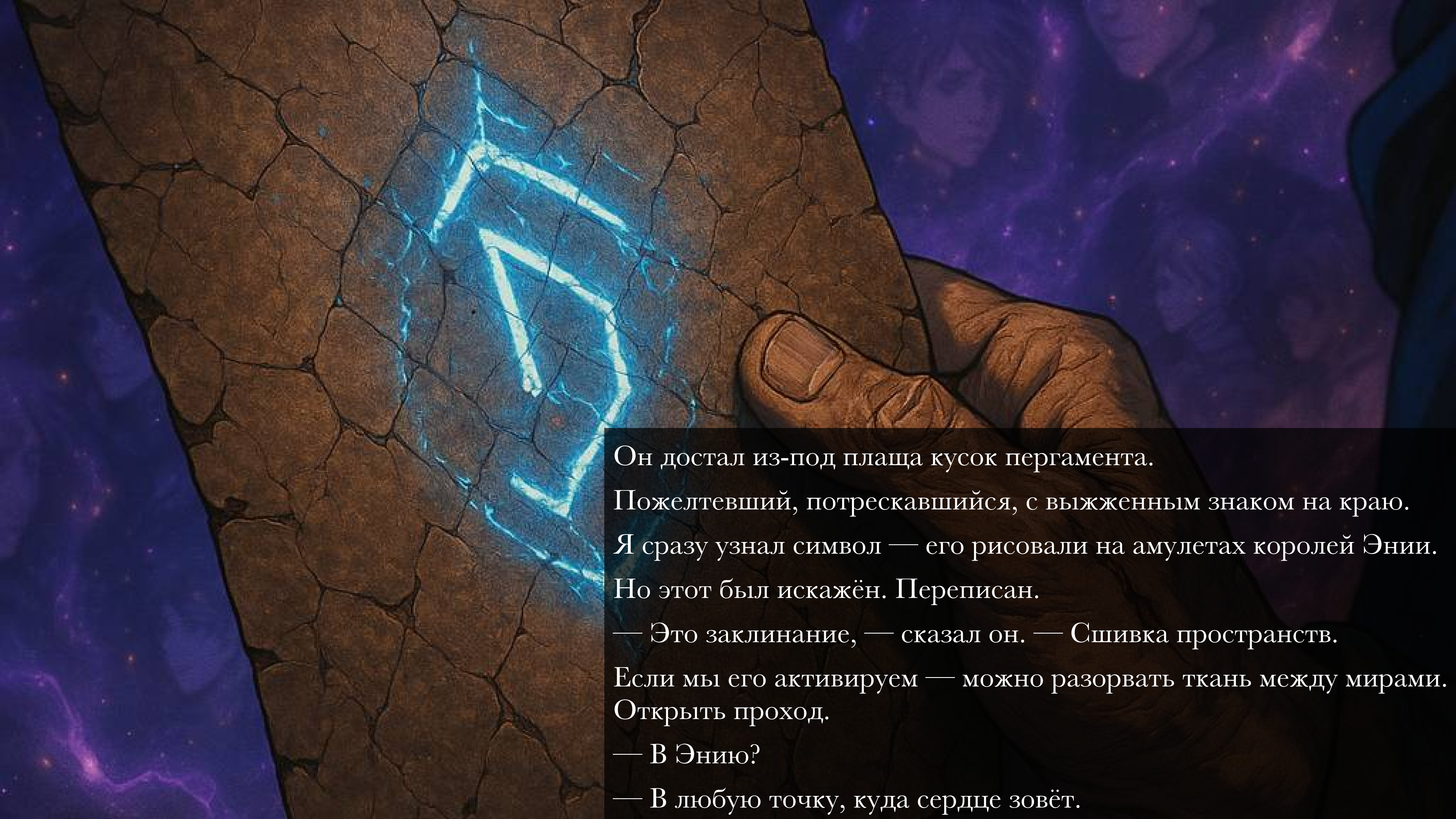
Мы стояли у окна трактира, за которым ничего не было.

Ни улицы. Ни горизонта. Ни мира.

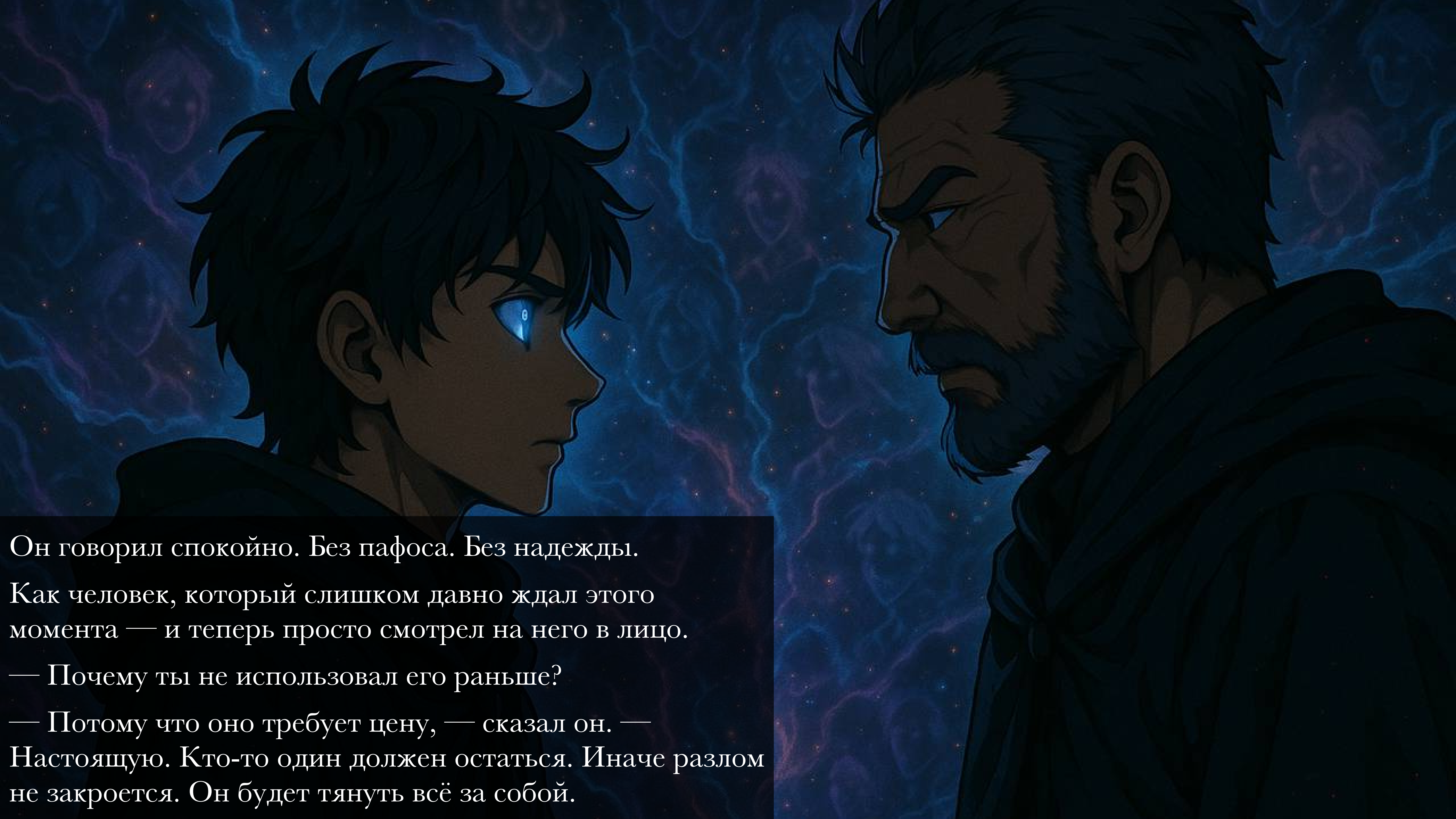
Только пустота, колышущаяся, как плёнка между мирами. Иногда в ней вспыхивали образы: лица, города, голоса, обрывки судеб. Как если бы сама реальность пыталась вспомнить себя — и каждый раз забывала.

Отец молчал. Я молчал. Но оба знали — это не тишина.

Это выбор.

Он достал из-под плаща кусок пергамента.
Пожелтевший, потрескавшийся, с выжженным знаком на краю.
Я сразу узнал символ — его рисовали на амулетах королей Энии.
Но этот был искажён. Переписан.
— Это заклинание, — сказал он. — Сшивка пространств.
Если мы его активируем — можно разорвать ткань между мирами.
Открыть проход.
— В Энию?
— В любую точку, куда сердце зовёт.

Он говорил спокойно. Без пафоса. Без надежды.
Как человек, который слишком давно ждал этого момента — и теперь просто смотрел на него в лицо.
— Почему ты не использовал его раньше?
— Потому что оно требует цену, — сказал он. —
Настоящую. Кто-то один должен остаться. Иначе разлом не закроется. Он будет тянуть всё за собой.

Я опустил взгляд.

— Ты знал, что я появлюсь?

Он кивнул.

— Но не знал, когда. И не знал, кто ты станешь, когда придёшь.

Он взглянул на меня.

— И ты стал тем, кто может выбрать.

Мы сели.

На столе лежал пергамент. Вокруг — ничего. Трактир задышался от предрешённости.

— Что будет, если я не вернусь? — спросил я.

Отец не ответил сразу.

— Тогда Эния падёт окончательно. Врата откроются. И то, что спит за ними, проснётся.

— Я видел его, — сказал я. — В Долине Теней. Оно... дышит. Даже когда всё остальное мертво.

— Оно голодно, — ответил он. — Мы думали, что победили Тьму. Но Тьма была только маской. За ней — Голод. Без имени. Без формы.

Он провёл пальцем по строчке пергамента.

— Мы не сможем его убить. Но мы можем удержать его.

— Если я вернусь.

— Или я.

Тишина. В который раз за этот путь я чувствовал, что выбор — не между жизнью и смертью. А между двумя жизнями, обе из которых станут жертвой.

— Я могу остаться, — сказал я. — У меня уже нет зрения. Нет прошлого. Я могу.

— Нет, — прервал он.

Он смотрел на меня с таким выражением, что я не осмелился спорить.

— Твоя жертва уже была. Ты прошёл все врата, все потери. Я же только ждал. Прятался. Слишком долго. Я обязан —

Он не договорил. Просто протянул руку. И положил её поверх моей.

— Я твой отец. А это — моя очередь.

Мы активировали заклинание вместе.

Слова были древними. Я не знал их — но язык крови знал. Он прошёл сквозь нас, как ветер сквозь мёртвый лес. Пространство содрогнулось. Трактир начал рушиться. Пустота снаружи засветилась.

Внутри образовался разлом. Сначала — тонкий. Потом — яркий. И, наконец — слепящий.

Я повернулся к отцу.

Он стоял в проёме, освещённый огнём другого мира.

— Ты уверен? — спросил я.

— Нет, — ответил он. — Но мне больше не нужно быть уверенным.

Я шагнул.

И в последний момент он оттолкнул меня.
Я не успел схватить его.
Ткань схлопнулась.
И я полетел.

ГЛАВА 8. *Разрыв миров*

Я падал. Но не вниз. Я падал сквозь себя.

Сквозь миры, которые не знал. Сквозь голоса, которые не звал. Сквозь свет, который обжигал сильнее тьмы. Это был не переход. Это было... рождение.

Ткань реальности трещала. Пространства не выдерживали. Магия, вложенная в заклинание, была слишком старая, слишком живая, слишком жадная. Она не открывала путь — она вырывала его.

Я чувствовал, как миры вцепляются в меня. Как пытаются оставить часть.

Воспоминание. Ладонь. Имя. Отец.
Но я шёл сквозь всё. Слепой. И всё видящий.

Когда я вылетел из разлома — не было
фанфар. Не было света. Была только Эния.
Изнаненная. Опустошённая. Но живая.

Я стоял в центре разрушенного зала Совета. Пол
выжжен. Стены потрескались. Над головой —
треснувшее небо. И вокруг — пустота.
Никого. Ничего. Только я. И... ощущение.
Того, что кто-то здесь был. Совсем недавно.

Я шагнул. Пыль поднялась, как память.

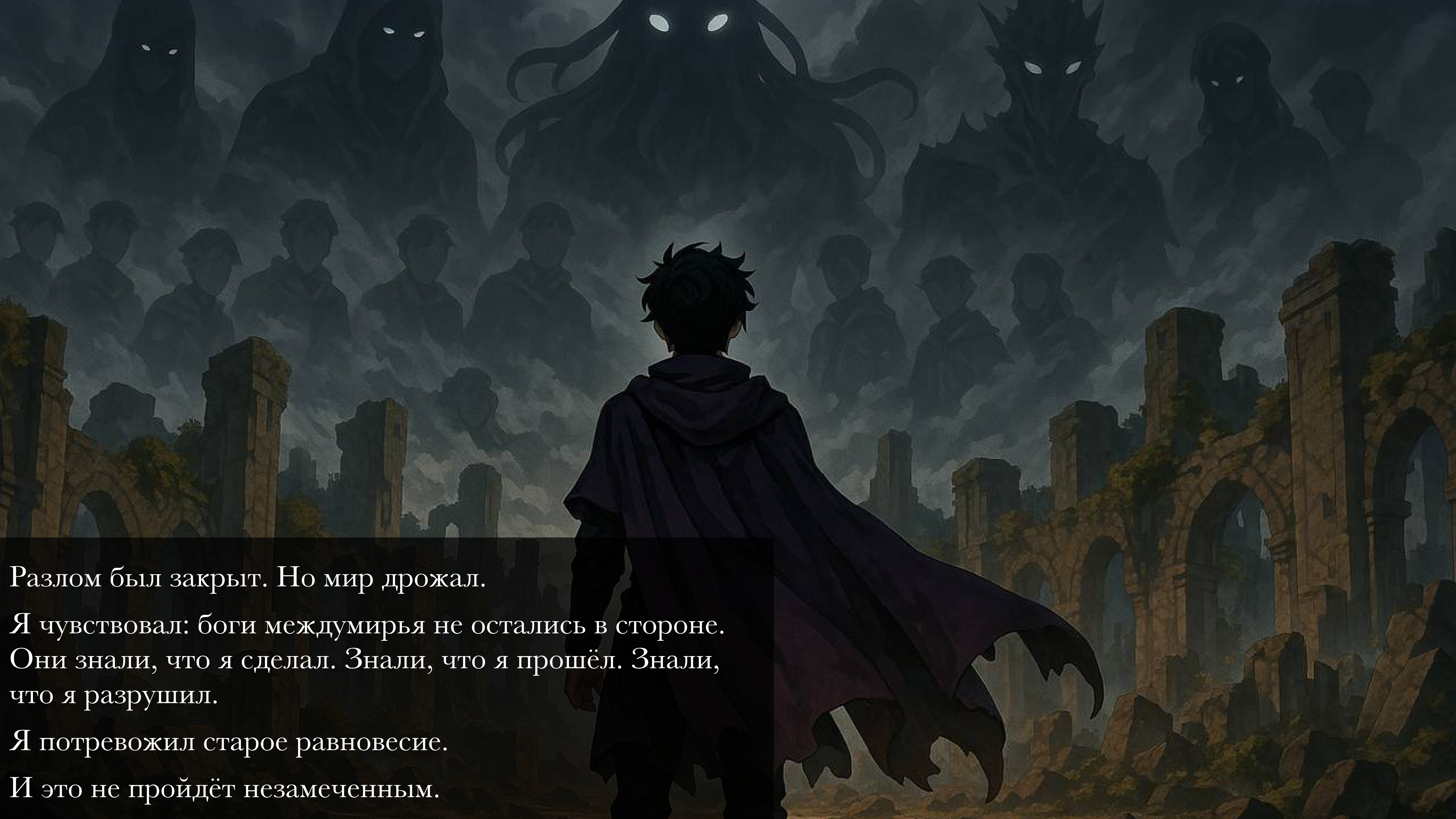
Я чувствовал ауры. Слабые. Затухающие. Скрытые.

Где-то внизу, в катакомбах, билось тепло. Где-то в башне
— тревога. Где-то в руинах сада — одиночество.

Я сел на ступени. И только тогда позволил себе дыхание. Долгое. Рваное. Как после боя, которого не было — но который всё забрал.

Я потерял многое. Слишком многое. Но всё ещё был жив. А значит — оставалась миссия.

Разлом был закрыт. Но мир дрожал.

Я чувствовал: боги междумирья не остались в стороне.
Они знали, что я сделал. Знали, что я прошёл. Знали,
что я разрушил.

Я потревожил старое равновесие.

И это не пройдёт незамеченным.

Я встал. Пурпурный плащ, истрёпанный, но целый, всё ещё лежал на плечах. Он больше не был символом власти. Он был напоминанием. Печатью.

Я чувствовал, как ауры начинают двигаться. Тепло, страх, надежда — они тянулись ко мне. Я шёл. Эния ждала. Но с каждым шагом в воздухе сгущалось нечто иное. Тени наблюдали. И в глубине миров — кто-то готовился вмешаться.

ГЛАВА 9. *Возвращение в Энию*

Я шёл по земле, которая когда-то была домом. Теперь она казалась чужой. Тихой. Сломанной. Как будто Эния дышала с усилием, как будто каждое утро давалось ей всё тяжелее, всё медленнее. Она жила — но больше не пела.

Я чувствовал ауры.

Сквозь стены, сквозь корни, сквозь пепел.

Они тянулись ко мне, как тонкие нити. Я не видел лиц, но знал, кто жив, кто потерян, кто... сломлен. Эния потеряла больше, чем просто корону.

И она всё ещё звала меня.

Я не искал их. Я просто шёл, пока не почувствовал ветер. Соль. Вода. Песок. Берег.

Море было темнее, чем я запомнил. Волны не катились — они сжимались, как если бы сами боялись выброситься на берег.

A person with long, dark, flowing hair is shown from the side, looking down at a circular wooden amulet held in both hands. The amulet features a carved tree-like pattern. The person is wearing a dark hooded garment. The background is a dark, stormy sea under a night sky with a bright, jagged lightning bolt visible in the upper right. The overall mood is somber and reflective.

И она стояла там. Айра.

Ветер развевал её волосы. Она держала в руках старый амулет. Не из золота. Из дерева. Мой. Тот, что я оставил ей, когда думал, что ухожу навсегда.

Я остановился. Сказать было нечего. Она обернулась.
И в её взгляде не было удивления.
— Ты вернулся, — сказала она.
Я кивнул. Медленно.
Она подошла. Без страха. Без слёз. Просто подошла.

An anime-style illustration of a young man and woman. The woman, on the left, has long, flowing brown hair and blue eyes. She is wearing a dark blue cloak with a gold-colored circular pendant. The man, on the right, has short, dark blue hair and blue eyes. He is also wearing a dark blue cloak. They are both looking at each other and holding hands. The background is a deep blue with glowing, ethereal light patterns and faint, ghostly figures of people in the distance.

— Я чувствовала, — прошептала. — С каждым сном. С каждым утром.
Ты не исчез. Ты был... где-то.

— Я был везде, — сказал я. — Кроме дома.

Она коснулась моей руки. Сначала осторожно. Потом — крепче.

— Ты изменился, — сказала она.

— Всё изменилось, — ответил я.

Мы стояли молча. Волны шептали что-то своим языком.
Я не слышал их. Но чувствовал: море помнило. Всё.

Айра посмотрела на меня снова.

— Лета и Пэн Даль живы. Мы держимся. Но... ты знаешь, что придёт.

— Да.

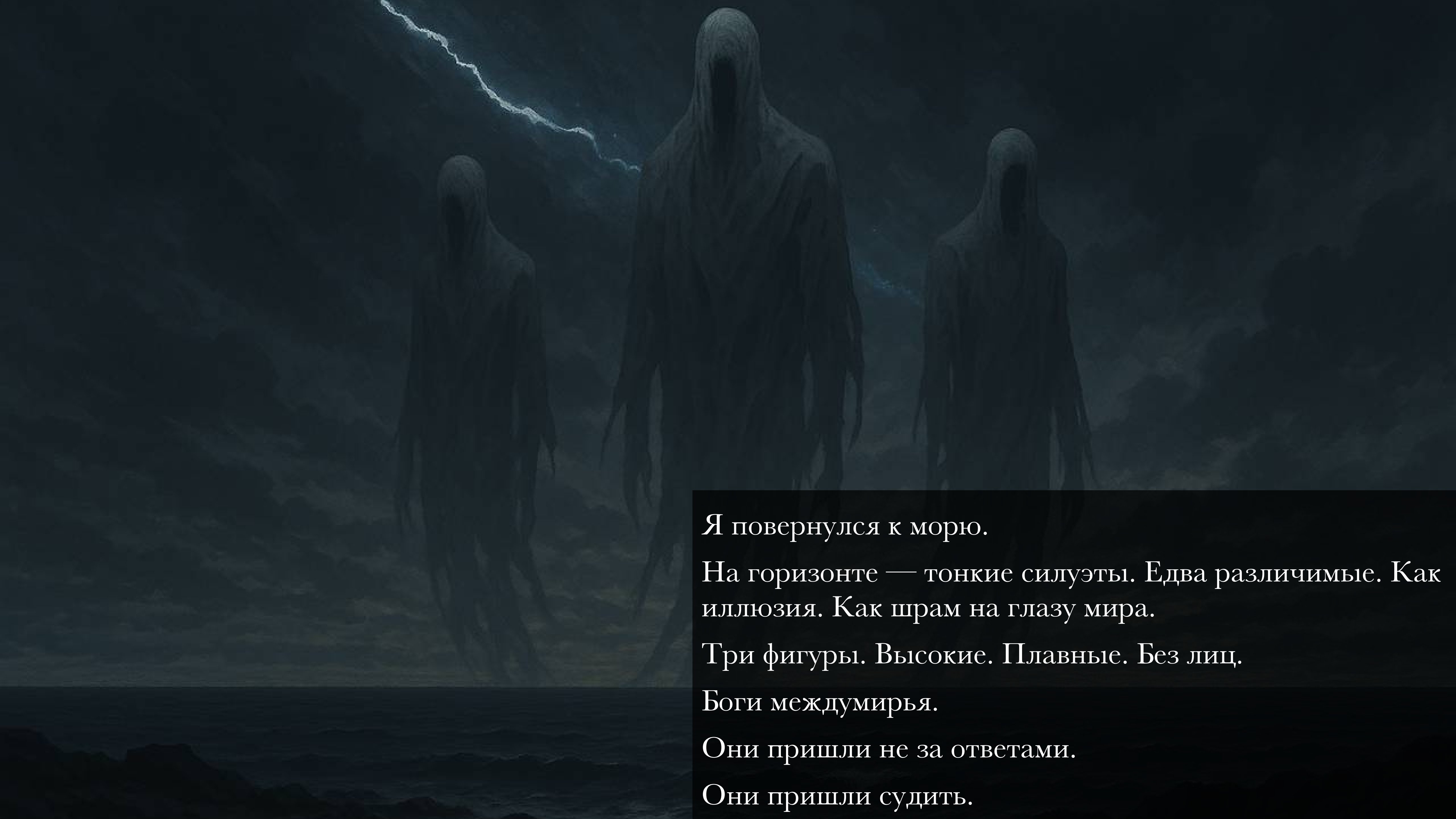
— Они уже здесь?

Я кивнул. Медленно, тяжело.

— Сначала тени. Потом сны. А теперь — шаги. Богов.

Она не испугалась.

— Тогда мы встретим их вместе.

Я повернулся к морю.

На горизонте — тонкие силуэты. Едва различимые. Как иллюзия. Как шрам на глазу мира.

Три фигуры. Высокие. Плавные. Без лиц.

Боги междумирья.

Они пришли не за ответами.

Они пришли судить.

ГЛАВА 10. Суд за разрушение

Они ступали по воздуху. Три силуэта, вытянутые, как шпиль, как тени от башен, которых больше нет. Лица скрыты. Рты — заклеены. Голоса — чужие.

Они не были людьми. Не были даже богами в привычном смысле.

Они были... хранителями разломов. Наблюдателями баланса. Их называли по-разному: «Старшие», «Арбитры», «Стражи границ». Но у них не было имён. Только функции. И сейчас они пришли за мной.

Я стоял на берегу. Айра — рядом. За спиной — Эния, с её выжженными деревьями, разрушенными вратами и живыми сердцами. Впереди — пустота. Сквозь которую шли они.

Их ауры были неподвижны. Как лёд, который не тает. Как смерть, которая не убивает. Они не нападали. Они смотрели. Они... взвешивали.

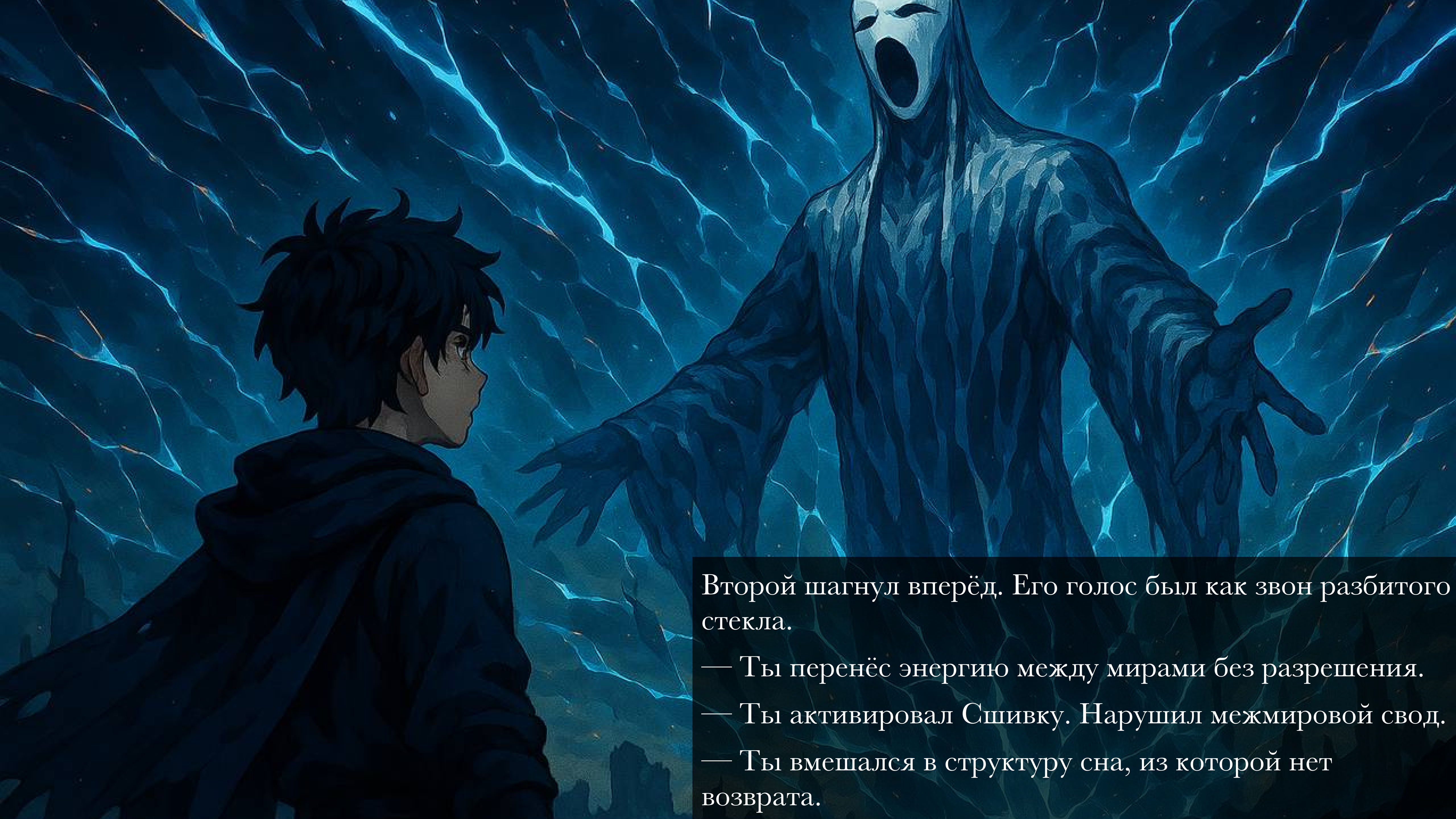
Первый поднял руку.

Голос прозвучал не снаружи, а внутри.

— Ты разрушил мир Отражений.

— Ты освободил миллионы душ, но уничтожил замкнутый цикл.

— Ты нарушил нейтральный принцип непрерывности.

Второй шагнул вперёд. Его голос был как звон разбитого стекла.

— Ты перенёс энергию между мирами без разрешения.

— Ты активировал Сшивку. Нарушил межмировой свод.

— Ты вмешался в структуру сна, из которой нет возврата.

Третий молчал.
Но от него веяло ужасом.
Он и был сам Суд.

Я поднял голову.

— Я сделал это, чтобы вернуться. Не ради власти. Не ради славы. Ради людей.

— Ради Энии.

— Ради тех, кто верит.

— Ради тех, кто помнит.

— Нам плевать на память. На чувства. Мы держим тканьь.

— Ты её прорвал.

Айра шагнула вперёд.

— Тогда судите и меня. Я верила. Я звала его. Я молилась, чтобы он нашёл путь. Пусть будет вина и на мне.

Они не ответили. Только третий наконец сделал движение.

Он поднял руку. И на небе открылся символ.

Круг с тремя ключевыми точками. Суд начался.

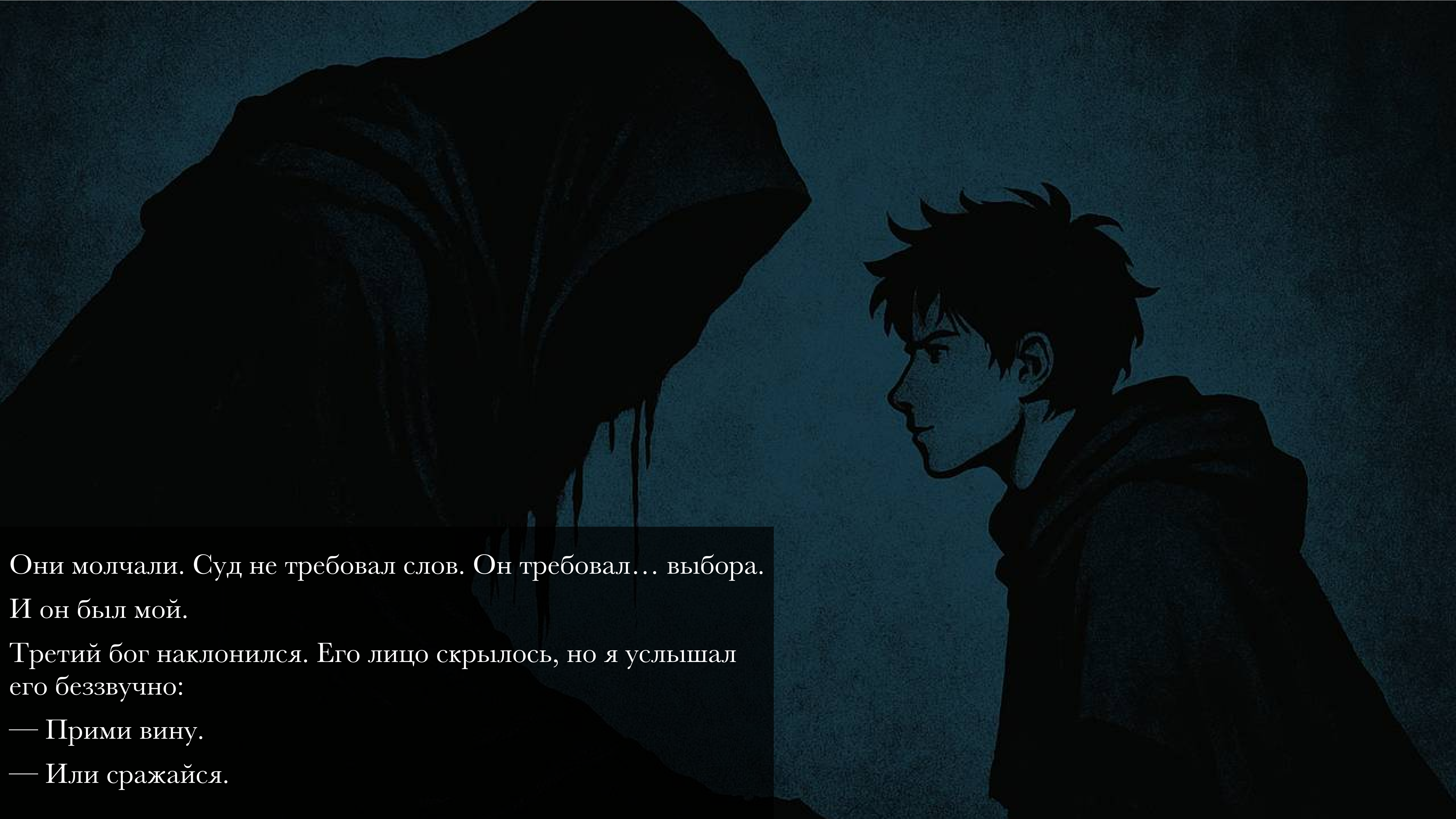
Внутри круга — образы.

Мир Отражений — до и после. Кристаллы, зеркало, пустыня.

Червь Никса — и души, вырвавшиеся из него.

Отец — стоящий в проходе, сжимающий пергамент.

Я — среди осколков снов, с раной на руке и плащом из пепла.

Они молчали. Суд не требовал слов. Он требовал... выбора.

И он был мой.

Третий бог наклонился. Его лицо скрылось, но я услышал его беззвучно:

— Прими вину.

— Или сражайся.

Я подумал. И сказал:

— Я признаю всё, что сделал. Я разрушил. Нарушил. Перешёл границы. Но не жалею ни о чём. Потому что я сделал то, чего вы боитесь: я поставил жизнь выше закона. Если это преступление — я приму приговор. Но знайте: впереди будет война. Не только за Энию. За все миры.

Тишина длилась вечность. А потом...

Третий бог заговорил. Впервые. Вслух.

Голос его был... не голосом. Он был раскатом грома.

— Ты не конец.

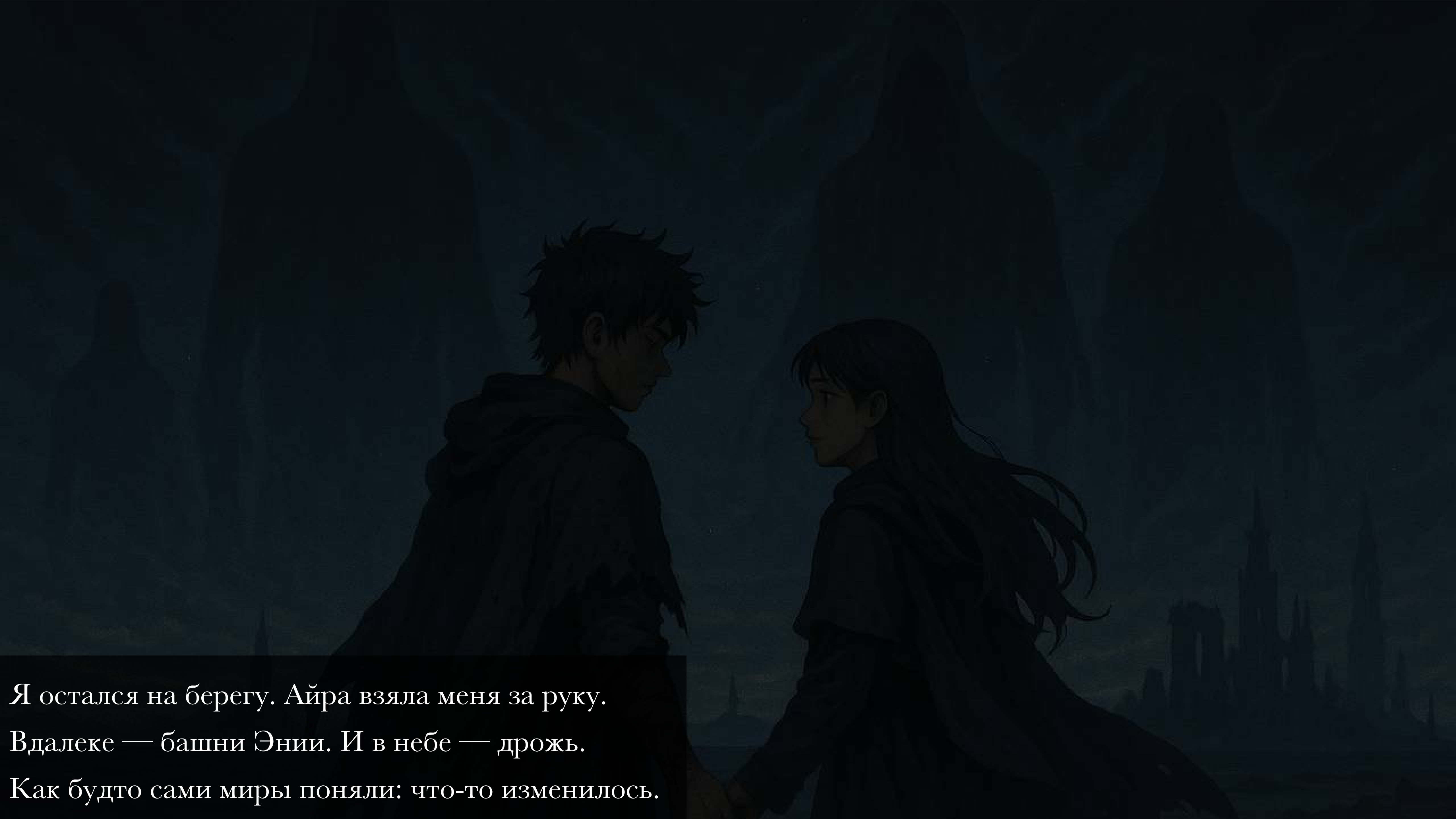
— Ты первый.

— Если ты проиграешь — исчезнут все.

— И ты исчезнешь... последним.

И они ушли. Без света. Без грома. Просто... ушли.
Как исчезает сон, в который больше не веришь.

Я остался на берегу. Айра взяла меня за руку.
Вдалеке — башни Энии. И в небе — дрожь.
Как будто сами миры поняли: что-то изменилось.

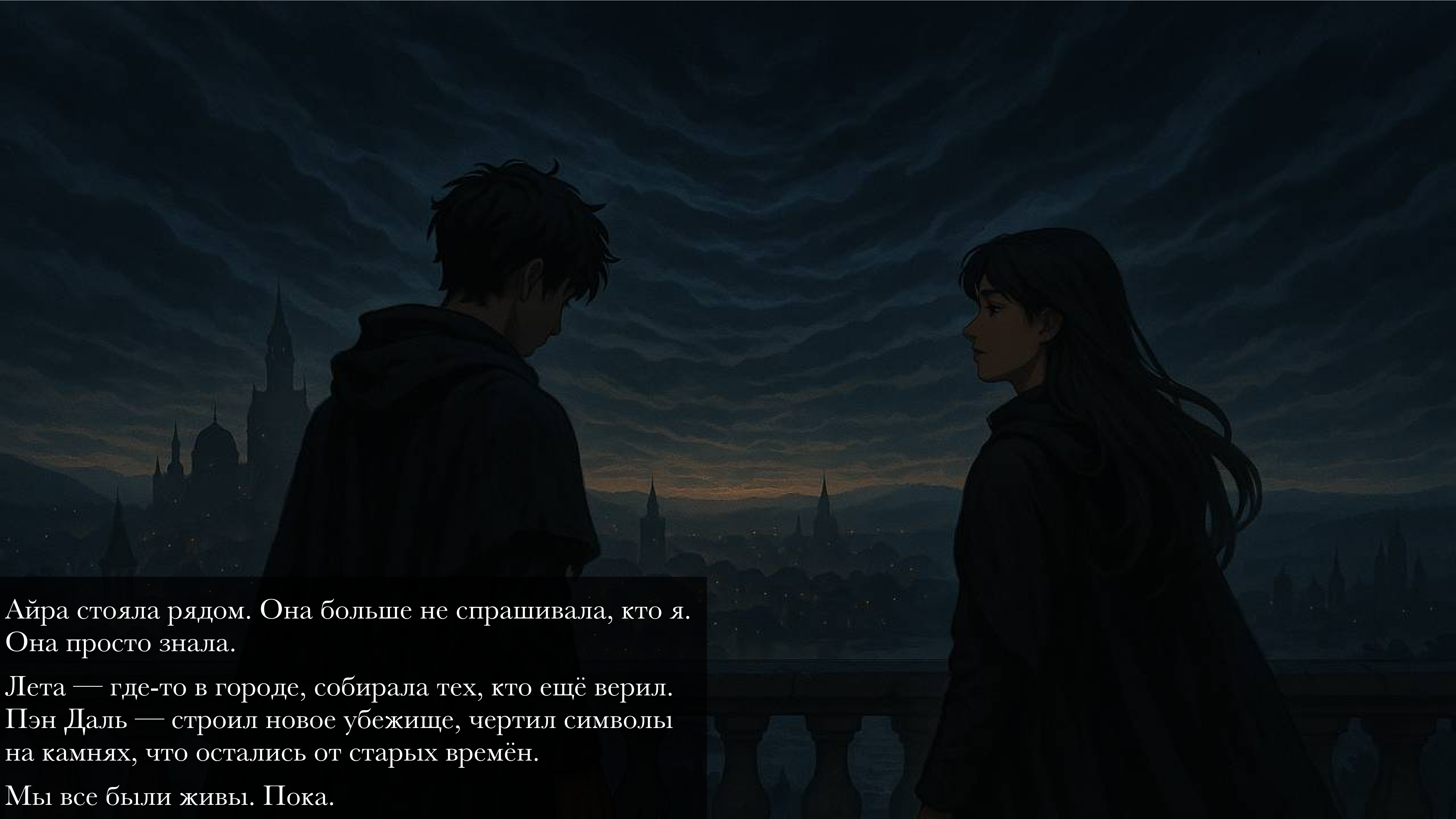
ЭПИЛОГ. *Искра сквозь тьму*

Эния снова дышала. Тихо. Неровно. Но — дышала.

Я стоял на возвышении, откуда было видно всё: разрушенные холмы, озёра, восстанавливающие отражения, башни, где снова зажглись огни. Люди начали возвращаться. Не потому что кто-то приказал — потому что пришло время. Потому что кто-то вернулся первым.

Я не надел корону. И не верну её. Я больше не был королём. И никогда им не был.

Я был тем, кто прошёл тьму. И вернулся.

Айра стояла рядом. Она больше не спрашивала, кто я.
Она просто знала.

Лета — где-то в городе, собирала тех, кто ещё верил.
Пэн Даль — строил новое убежище, чертил символы
на камнях, что остались от старых времён.

Мы все были живы. Пока.

A person with dark hair, seen from behind, wears a dark purple or black cape. They are looking up at a dramatic, dark blue sky filled with swirling, ethereal clouds and bright, jagged blue lightning bolts. The overall mood is one of awe and anticipation.

Но в небе — не тишина. Я чувствовал напряжение, как струнный аккорд, которого ещё не коснулись.

Миры гудели. Междумирье звало. Кто-то там, вдалеке, за гранью всех вещей, следил. Ждал. Шептал.

Я слышал его. Мар Дэль Мар... снова. И я знал: ничего не кончилось. Я стал первым. Но не последним.

И где-то в сердце, глубоко, где спит пепел старых клятв, вспыхнула искра. Не надежды. Ответственности. Значит, будет новая глава.

И я буду готов.

Продолжение следует...

В пятой книге «Мар Дэль Мар. Песнь Междумирья», герой, прошедший через Тьму, Сны и Отражения, столкнётся с новым вызовом: реальности начинают звучать друг сквозь друга.

Один из миров — древний, построенный на голосах, песнях и забытых клятвах — рушится, и его падение может стать первым аккордом конца всего.

Мар вновь отправится в путь, чтобы найти Песнь Междумирья — гармонию, удерживающую ткань миров от распада. Но чем ближе он к цели, тем громче звучит эхо его тени, уцелевшей в Лабиринте Отражений. Сны оживают. Боги не прощают. И голос, однажды отданный в жертву, прозвучит вновь — в последний раз.